

Военные
Приключения

КОМАНДИР ГУЛЯЙ-ПОЛЯ

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛНЯЕВ

Валерий Дмитриевич Поголяев

Командир Гуляй-Поля

Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11617968

Командир Гуляй-Поля / Поголяев В.Д.: Издательство «Астрель»,

Издательство «АСТ»; Москва; 2016

ISBN 978-5-4444-8824-9

Аннотация

Все перемешалось в огне Гражданской войны на Украине: красные бьют белых, зеленые – «жовто-блакитных»... И немалую роль в этом полыхающем братоубийственном пламени играет махновщина. За короткий срок небольшой отряд крестьян превращается в полноценную повстанческую армию, а заштатное Гуляй-Поле становится столицей «Республики Махновия». Какой флаг развевается над вновь объявленным государством? Кому оно друг, а кому – враг?

Обо всём этом рассказывается в новом романе признанного мастера отечественной прозы.

Содержание

Часть первая

4

Конец ознакомительного фрагмента.

90

Валерий Поволяев

Командир Гуляй-Поля

Часть первая

Начало

Руководитель гуляй-польского ревкома Нестор Махно прибыл в Москву ранним утром, когда над жестяными крышами доходных домов – впрочем, бывших доходных, в этих домах ныне жили, отрабатывали путевку в счастливое будущее, столичные пролетарии, – поднялось розовое, аккуратно обрезанное с краев солнце.

Махно невольно остановился, легкий фанерный чемоданишко поставил у ног: это что же, выходит, солнце в Москве – квадратное, совсем не такое, как в иных местах? В его родном Гуляй-Поле солнце круглое, а тут квадратное... Тьфу! Махно повернул голову в одну сторону, потом в другую – вместе с поворотами головы поворачивалось и коварное – себе на уме, как во всяком столичном городе, – диковинное солнце. Еще раз тьфу!

Столичный гость Махно подумал, а не встать ли на четвереньки, не посмотреть ли на столичное солнышко через раздвиг ног, через собственную, извините, задницу, – потом

решил, что не надо – окружающий народ не поймет.

Он вздохнул и подхватил чемоданишко за самодельную, обернутую алюминиевой проволокой ручку. Добра в чемодане было немного – теплые носки, которые Махно надевал на ноги всякий раз, когда на улице было слякотно или прижимал холод (после каторги у него осталось недоброе наследство – отбитые легкие, поэтому чуть что, небольшая перемена слагаемых в атмосфере, и Махно начинал мерзнуть и одновременно задыхаться); кроме носков еще имелся изрядно надъеденный шмат сала, очень вкусно, по-гуляйпольски, засоленный, с чесноком и перцем, а также – полбуханки черствого черного хлеба, да перочинный ножик с одной отколотой щечкой. Еще в газету были завернуты офицерские полевые погоны с одной прапорщицкой звездочкой.

Когда надо было, Махно прищипывая погоны к своему офицерскому кителю, если же необходимость в этом отпадала – снимал.

На Украине сделалась совсем нечем дышать: Центральная рада, чтобы удержать власть, призвала к себе в помощь немцев и австрийцев – впрочем, что немцы, что австрийцы, было для Махно все равно, говорят-то они на одном языке, и думают одинаково, по одному, словно бы вырезанному из картона шаблону, и живут одинаково, одному богу, выкрашенному в золотой цвет, поклоняются...

Но вряд ли немцы будут всерьез поддерживать Центральную раду, для каждого «немака» гораздо важнее – выгре-

сти десяток куриных «фруктов» из старушечьего лукошка, да выпить пару махоток жирного парного молока; следом же начнется грабеж посерьезнее, и в Германию поползут эшелоны с украинским добром. И не будет этим эшелонам числа...

В общем, Махно был против немцев, австрияков, а также венгров в их клоунской голубой форме – среди оккупантов были и венгерские конники-уланы... Встречались даже поляки, которых Махно, как и многие в Гуляй-Поле, не любил особенно.

В результате председателю гуляйпольского ревкома пришлось бежать из родного городка. Впрочем, городок этот больше походил на село: в нем было всего пятьсот домов. Немного для уездного подчинения, но нравами своими, занозистостью, хорохористостью, горластостью городишко этот тянул на губернское подчинение и, пожалуй, даже на большее...

Цель, с которой Махно приехал в Москву, была неясной, определялась она одним словом «вдруг»: вдруг удастся достать оружие, вдруг сможет в нынешней российской столице заручиться поддержкой нужных людей, вдруг кто-нибудь соблазнится Украиной, вдруг сумеет достать денег и так далее... Но даже если ничего этого не произойдет – тоже ничего страшного. Поездку в Москву Махно воспринимал, как очередное приключение.

Надо, конечно, будет повидать и друзей-анархистов. Если они, конечно, сейчас находятся в Белокаменной... Вольде-

мар Антони, Лев Черный – автор «Ассоциационного анархизма», Алексей Боровой, Иуда Роцин, Петр Аршинов-Марин – видный теоретик, знаток душ человеческих, с которым Махно познакомился еще на заре «юности суровой», на каторге...

Где они теперь, здесь или нет? Очень хотелось бы, чтобы были здесь.

Фанерный чемоданишко на ходу бодро побрякивал замком, навешенным на петельки, бряканье это раздражало Махно.

Он поморщился. В следующую минуту, услышав грохот трамвайных колес, завернул за угол вокзала.

Трамвай подошел старый, облупленный, густо обвешенный людьми. Люди висели даже на решетке, проложенной между двумя вагонами, передним и задним, крепко держались друг за дружку, чтобы не свалиться под колеса, и жалобно ойкали.

Для Махно не было места даже на подножке.

Но недаром будущий батька (до батьки дотянуть ему оставалось совсем немного, и писали современники-однопольчане этот его титул с большой буквы) обладал железным гипнотическим взглядом: взгляд Махно не выдерживал никто, даже двухметровые бандюги отводили глаза в сторону, либо грохались в обморок...

Сам Махно ростом не отличался, про таких говорят «метр с кепкой» – худенький, будто парнишка, которого ни разу в

жизни не накормили досыта, с налимьими губами и жестким прикусом зубов, с редкостными густыми волосами – шевелюра у Нестора была роскошная, ни одной рединки, ни одной седой прядки, а вот взгляд... Не дай бог встречаться с этим взглядом – он пробивал человека насквозь, гипнотизировал, зажигал внутри секущий огонь, и люди этого огня боялись, им казалось, что он мог уничтожить, выжечь все внутри, испепелить их самих.

Встряхнув в руке фанерный чемоданишко, Махно вперился побелевшим жестким взглядом в крепкого плечистого парня с квадратной челюстью молотобойца, висевшего на нижней подножке.

Молотобоец неожиданно смущенно заерзал плечами, задвигал челюстью подбито, будто по ней хлестнули кулаком и забормотал опасливо:

– Ты чего, мужик, а? Ты чего?

В следующий миг он освободил подножку. Плечи у него противно, словно бы крепкое тело этого человека насквозь пробило холодом, затряслись, из носа потекла простудная жижа.

Следом с подножки сошел седой грудастый мужичок в новеньких яловых сапогах, явно полученных по разрядке комбеда, зафыркал обиженно, по-кошачьи, конопатое плоское лицо его сморщилось... Махно поспешно вскочил на подножку трамвая, вцепился одной рукой в поручень и поклонился опешившим, так внезапно очутившимся на земле

пролетариям:

– Благодарствую!

Трамвай задзенькал звонком, дернулся, лязгнул железными сочленениями и поплыл дальше по Москве, Махно втянул сквозь зубы воздух в себя, мгновенно захлебнулся им – показалось, что воздух ошпарил его слабые легкие. Покрутив головой, Нестор резко, залпом выбил из себя воздух, задрал голову, лоя глазами розовые облака, стиснул зубы. Он всегда стискивал зубы, когда надо было драться, идти в атаку, стрелять, либо его просто ожидало что-то неведомое, опасное, и к этому неведомому надо было приблизиться на расстояние вытянутой руки.

Анархист Лева Черный – человек со светлыми мозгами, работал комендантом многонаселенного дома в центре Москвы, слюнявил губами химический карандаш и производил инвентаризацию казенной мебели в огромных барских квартирах, поделенных ныне на клетушки и заселенных по ордерам рабочими – результаты инвентаризации он заносил в мятый, разлинованный вкривь-вкось лист бумаги. Лицо у Левы было скучным и рассуждал он скучно, будто и не Лева Черный это был вовсе. Уловив обескураженно-жалостливый взгляд Махно, Черный приподнял плечи, заговорил быстро, захлебываясь словами, глотая их, будто вареники с вишней:

– Понимаешь, Нестор, большевики такие люди, что не терпят отказов. В противном случае сразу хватаются за маузеры – пиф-паф, и все дела – понеслась душа в рай, лапками

засверкала. Отказать большевикам, Нестор, мне не удалось, вот и стал я управдомом...

Вольдемар Антони уехал в Италию наводить мосты между тамошними теоретиками и тутошними практиками; Семенюта – легендарный Саша Семенюта, к которому Махно относился с нежностью почти братской, покоился на кладбище под обычным деревянным крестом.

Оставались еще Иуда Роцин – говорливый умелец из молодых, но ранний, Алексей Боровой и старый друг по каторге Петр Андреевич Аршинов-Марин, секретарь союза идейной пропаганды анархизма...

Боровой здорово изменился, раньше он был человеком, сейчас стал невесть кем... Книжным червем, наверное. Библиотека его насчитывала несколько тысяч томов. Обычный человек, когда видел ее – пугался: слишком уж много тут было книжной пыли.

Гостя своего Боровой дальше порога практически не пустил – разговаривал с Нестором вначале на лестничной площадке, потом сжалился и пригласил в прихожую... А уж по части того, чтобы предложить усталому и голодному гостю стакан чаю с котлетой, либо пригласить отдохнуть на мягкий диван (после жесткой вагонной полки это было бы очень кстати) – извините, пардон! – об этом Боровой не то, чтобы не подумал, он такого просто допустить не мог.

Ушел Махно от Борового разочарованный.

Иуда Роцин опоздал на свидание совершенно безбожно

– на целый час: если бы у Махно была пашка – зарубил бы Иуду. Распрощался Нестор с Роциным с побелевшими глазами, а потом взял записную книжку, куда были внесены адреса всех московских анархистов, и вычеркнул оттуда Роцина, Борового и Черного.

Единственный, кто не подвел, не оставил в душе дырки, был Аршинов-Марин.

Аршинов-Марин чувствовал себя в Москве потерянным, каким-то чужим, жалким, и занимался Петр Андреевич не своим делом – читал работягам из трамвайного депо лекции о Льве Толстом.

Махно оглядел старого соратника с головы до ног и сказал ему, недовольно скашивая в сторону рот:

– Лучше бы вы, учитель, к нам в Гуляй-Поле приехали. Здесь вы никому не нужны.

Аршинов-Марин вскинулся, лицо у него сделалось обескураженным.

– Это почему же?

– Так мне кажется.

Старый каторжанин вздохнул.

– Ну что ж... Я готов.

– Погодите только немного, – сказал ему Махно, – мы малость разгребемся в Гуляй-Поле, кое-кого развесим на фонарях, и тогда – милости прошу.

– Я могу организовать толковую газету и стать ее главным редактором.

– Я это знаю.

– Могу наладить выпуск листовок.

– И это я знаю.

Махно почувствовал, что в Москве он – чужой человек. Все здесь незнакомое, недоброе, лица холодные, глаза цепкие, так люди и норовят всякого чужака вывернуть наизнанку, вплоть до карманов. Столичные анархисты помочь ему ничем не могут – слишком далеко они оторвались от простых людей.

– Эх, человеки, человеки, по одному носу и по два уха на каждого... – пробормотал Махно обескураженно.

Ни пулеметов, ни патронов он тут, увы, не достанет. Максимум, чем сумеет разжиться, – наручниками. Да и те будут висеть у него на руках. Махно это не устраивало.

Деньги, которые Нестор выручил от продажи двух золотых колец, быстро таяли. Надо было определяться с жильем.

Поскольку у него на руках имелись ревкомовские документы, то выход был один – пойти на поклон к нынешней московской власти и попросить, чтобы ему выделили комнату. Пусть плохонькую, заваливающую, в щелях на стенах и в подтеках на потолке, но лишь бы Махно имел возможность приходить вечером домой, где под кроватью будет валяться, ожидая его, фанерный чемоданишко, а на голову не будет сыпаться сквозь ломины на потолке, холодный дождь.

Комнату можно было получить либо в Кремле, либо в Моссовете, ни там, ни там Махно никого не знал, поэтому

он решил пойти в Кремль.

– Если уж братья рукою за что-нибудь, то уж лучше сразу за папаху, – сказал он сам себе. – Берешь в руки – маешь вещь.

Махно почистил пуговицы на кителе – пуговицы он достал особые, то что надо, без гербов, их ему удружил один гуляйпольский умелец, мастер, который если не блоху, то муху точно мог подковать. Фронтные офицеры, которые собирались на прием к начальству, обязательно драили пуговицы толченым мелом, либо зубным порошком. Махно, державший в зачатке погоны прапорщика, решил от боевых командиров не отставать – начистился, взял свой гуляй-польский мандат и двинулся с ним в Кремль.

Там в небольшой комнатухе, расположенной прямо в воротах Кремля, Махно был встречен серьезным молодым человеком, одетым в китель с отложным воротником – ни военный это был человек, ни гражданский, не понять какой. Глаза, надежно прикрытые старыми очками в железной оправе, не были видны. Молодой человек протянул к Махно руку, пошевелил пальцами, будто щупальцами. Махно понял – этот товарищ требует его мандат.

Напустив на лицо побольше важности, Махно порылся в нагрудном кармане кителя, достал оттуда затерханную, с закрученными краями бумажку, украшенную растекающейся лиловой печатью, неторопливо развернул ее и подал молодому человеку.

Тот долго вглядывался сквозь очки в чернильные строчки мандата, потом кивнул и приложил к мандату небольшой ордерок, отпечатанный на грубой остистой бумаге.

– Следуйте в ворота, товарищ, – молодой человек сделал рукой широкий купеческий жест.

Нестор думал, что тот будет задавать вопросы, интересоваться биографией – не менял ли Махно коробки с монпасье на паровозы, не присягал ли на верность Керенскому, не был ли отец Нестора знаком с последним российским самодержцем и так далее, но, видать, молодому человеку все было понятно и без вопросов.

Прямо в дверях комнатушки ордерок проверил часовой – молчаливый белобрысый латыш красногвардеец, кивнул разрешающе – проходи!

Ворота были длинные, мощные, – снарядом не взять – настоящие крепостные, сложенные очень надежно, по ту сторону темного, похожего на туннель, проема, также стоял красногвардеец с винтовкой, как две капли воды похожий на первого латыша стрелка, он, в свою очередь, тоже проверил ордерок, повел головою в сторону кремлевского двора.

«Можешь спросить его, в какой корпус ты хочешь пройти, он тебе укажет, – написал впоследствии Махно в своих воспоминаниях¹, – а далее, хочешь – ходи по двору и осмат-

¹ До последнего дня своей непростой жизни Нестор Махно вел дневник, дневник этот исчез в день его смерти, но об этом позже. – *Здесь и далее – примеч. автора.*

ривай разнокалиберные пушки и ядра, к ним, допетровский и петровских времен, Царь-колокол и другие достопримечательности, о которых ты мог только слышать, но до входа во двор Кремля ты их не видел, или же иди во дворцы-палаты.

При входе во двор Кремля я повернул влево, прямо во дворец (не помню его названия), поднялся по трапу, кажется, на второй этаж и по коридору этого этажа пошел влево, не встречая ни одного человека и лишь читая – на одних дверях: “ЦК партии” (коммунистов-большевиков), на других: “Библиотека” (не узнал, какая). А так как ни “ЦК партии”, ни “Библиотека” мне в то время не были нужны, то я прошел мимо них, не уверенный даже в том, что за дверями с этими надписями кто-либо был»².

Махно шел по длинному коридору и прислушивался – не зазвучат ли где за дверями голоса? Наконец он остановился около одной двери, за которой шумели, голоса доносились очень отчетливо, были они возбужденными, громкими – люди, сидевшие в этом кабинете, спорили.

Недолго думая, Махно толкнул дверь, но потом, что называется, на лету перехватил ее, закрыл: а вдруг он помешает спорящим, окажется лишним, и тогда плакало его бесплатное – может быть, даже кремлевское жильё.

Он повернул назад, вновь двинулся по длинному, застеленному старой ковровой дорожкой коридору. Дошел до двери, на которой было написано «ЦК партии», аккуратно

² Не Бунин, конечно, и даже не Гиляровский, но все равно читать интересно.

постучал.

Услышал глуховатый, словно бы прихлопнутый тяжелой доской голос:

– Войдите!

Махно вошел. В просторном, заваленном бумагами кабинете сидели три человека: Загорский, которого Махно видел не далее, чем позавчера, на одном из большевистских митингов – попал туда случайно, хотя было ему очень интересно (Загорский очень темпераментно и громко выступал на митинге), Бухарин – человек с жиденькими волосами, словно бы приклеенными к темени, и человек, очень похожий на Свердлова, то снимавший с носа пенсне, то надевавший его обратно – «окуляры» ему не так давно отремонтировали, сделали сжим слишком жестким, и он никак не мог привыкнуть к нему, переносица у него была красной. Но это был, как потом выяснилось, не Свердлов.

Все трое подняли головы, посмотрели на Махно.

Тот, похожий на мальчишку, по-мальчишески простудно шмыгнув носом, спросил напористо, учительским голосом – он полжизни стремился, чтобы быть учителем, преподавать детям историю, либо географию, из наук он еще признавал математику, но робел перед нею, – а цели своей так и не достиг:

– Граждане, скажите, где находится ВЦИК Советов?

Один из сидевших – Бухарин, – поднялся со стула, сделал это проворно, поправил на голове тощий слой волос, плотно

приклеившийся к темени:

– Я сейчас ухожу, – сказал он, – и покажу этому товарищу, – Бухарин стремительно наклонил голову в сторону Махно, движения у него были по-птичьи быстрыми, отточенными, – где находится ВЦИК.

Он подхватил свой старенький сморщенный портфель, сунул его под мышку и направился к двери. Махно церемонно поклонился остающимся, сказал: «Спасибо всем», – и вышел вслед за Бухариным в коридор.

Тишина в коридоре царил мертвая. Будто в подземелье.

– Вы откуда, товарищ? – спросил Бухарин.

– С Украины, – ответил Махно.

Стремительный шаг Бухарина увял, он переспросил удивленно:

– С Украины?

– Да, с Украины.

– Интересно, интересно... На Украине сейчас царит террор, на всех железнодорожных станциях – виселицы... Как же вы добрались до Москвы?

– Сложно. Кое-где приходилось надевать офицерские погоны, кое-где – снимать.

– Понятно, понятно... – скороговоркой произнес Бухарин, подпернул портфель, выскользнувший было у него из-под мышки. Показал на дверь, расположенную в конце коридора: – Там вы, товарищ, можете узнать все, что касается ВЦИКа. – На прощание он приветственно поднял руку и

проворным колобком покатился по лестнице вниз.

Махно подошел к двери, на которую указал Бухарин, деликатно постучал в нее. В комнате за столом сидела сонная большеносая девица с заторможенными движениями – наверное, она действительно не выспалась, прообнималась всю ночь с каким-нибудь лихим красногвардейцем... Медленно подняв выпуклые, наземного цвета глаза, девица спросила у Махно, чего ему нужно.

– Я хочу видеть председателя Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов товарища Свердлова, – четко, ни разу не споткнувшись, оттарабанил Махно.

Девица молча уселась за стол, на котором стоял «ундервуд» – большая трескучая пишущая машинка, требовательно протянула к Махно руку, чтобы тот предъявил свой документ. Нестор неторопливо порылся в кармане, отдал ей свой гуляй-польский мандат, потом – ордерок, выданный ему в комендатуре, девица, сведя бровки в одну линию, записала его фамилию в толстую амбарную книгу и выдала квиток ответно, назвала номер кабинета, в который Махно должен был идти дальше, и вновь погрузилась в сонное состояние.

Свердлов, густоволосый, с надсеченным голосом, в пенсне, показался Нестору Махно более бодрым, чем девица из его секретариата. Тряхнув руку гостя, Свердлов спросил напористо:

– Товарищ, вы, как я понял, прибыли с нашего бурного юга... Чем вы там занимались?

В темных глазах его, под стеклышками пенсне, сверкнули живые огоньки – Свердлову действительно было интересно, что происходит на Украине.

Махно понял, что говорить нужно складно, умно – на Свердлова необходимо произвести впечатление.

– Занимался тем, чем занимаются широкие массы революционных тружеников украинской деревни. Трудовая украинская деревня, приняв живое, непосредственное участие в революции, стремилась к своему полному освобождению. В ее передовых рядах я, можно сказать, был всегда первым на этом пути. Лишь теперь, в силу поражения и отступления общего революционного фронта из Украины, я очутился временно здесь³.

– Что вы, товарищ, говорите – этого быть не может, – не согласился с Махно Свердлов, – крестьяне-то у вас, на юге, – в большинстве своем – кулаки и сторонники Центральной рады.

– Не такие уж они и сторонники, – возразил Махно, он решил больше не придерживаться высокого «штиля» – высокий «штиль» может не только покорить, но и насторожить товарища Свердлова. – Если к крестьянам нашим попадет

³ Каково загнута, а! А слог каков! Куда там товарищу Троцкому или революционному трибуну Маяковскому! Я привел слово в слово, запятая в запятую то, что Махно сказал Свердлову.

какой-нибудь деятель из нынешних киевских властителей – не миновать ему сука на высоком дереве. Будет болтаться на ветру, как рождественская игрушка.

– Гуляй-Поле, Гуляй-Поле... – В голосе Свердлова появились задумчивые нотки, на лбу собралась частая лесенка морщин. – Это какая же будет губерния?

– Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии⁴. Село наше – волостное...

– Немцев у вас стоит много?

– Немцев мало. Они в основном в Киеве, да в Харькове располагаются, на квартирах задницы греют. У нас же – австро-венгерские экспедиционные войска, да отряды Центральной рады. Другого противника пока нет. Этих же мы колотим почему зря.

– Красногвардейские отряды тоже колотят их почему зря... Почему вы не поддерживаете их? – спросил Свердлов. – У нас есть сведения, что южное крестьянство заражено крайним украинским шовинизмом и встречает немецкие экспедиционные войска хлебом-солью, с особой радостью, как своих освободителей. Это так?

– Это не так, совсем не так! – Махно незаметно для себя начал горячиться. – У вас неверные сведения об украинской деревне. Я сам, лично, – Махно ткнул себя кулаком в грудь, – являюсь организатором нескольких крестьянских батальонов и что-то не помню, чтобы мы встречали австри-

⁴ Ныне Запорожская область Украины.

яков хлебом-солью. От нашего хлеба с солью они бегают, как козы от чугунка с кипятком. И вообще, товарищ Свердлов, украинское крестьянство могло бы организоваться в могущественную революционную армию, только нам очень важно знать, что войну с немцами ведем не мы одни – есть еще и единый революционный фронт. А красногвардейские отряды, о которых вы говорите, – это не отряды, а, извините, недоразумение...

Свердлов вскинулся – ему сделалось неприятно:

– Это как так?

– Те отряды, что были у нас, вообще боялись отходить в сторону от железных дорог – они все время держались железок... Если видели, что бой разворачивается не в их пользу – мигом прыгали в вагоны и укатывали восвояси. Паровозы у них всегда стояли на парах, удирали они без оглядки. Только пыль столбом поднималась.

– Неужели это так? – неверяще спросил Свердлов.

– Да, – подтвердил Махно, – это так. Красногвардейские отряды всегда держались и держатся своих эшелонов и отступают вместе с ними, зачастую вообще не зная, где находится противник. Что же касается какой-нибудь деревни, расположенной в двадцати километрах от железки, то там они вряд ли когда появятся – не придут и не вооружат население винтовками. Хотя должны и прийти, и вооружить, и более того – сходить с крестьянами в первый бой... Но этого, товарищ Свердлов, не было ни разу. Я таких случаев не знаю.

Нестору Махно нравилось, как он говорит – убедительно, с напором, громко, четко, мысли формулируют умно – он видел, как у Свердлова темнели глаза – значит, рассказ гостя брал председателя ВЦИКа за живое.

– И вы, товарищ, можете назвать фамилии командиров таких отрядов?

– Могу. Богданов, Свирский, Саблин...

– Доверия в крестьянской массе к этим командирам, вы считаете, не было никакого?

– Абсолютно никакого. Хотя сами крестьяне видят в революции единственное средство избавления от гнета помещиков, богатеев-кулаков, а также тех, кто им верно служит – чиновников.

– Да-да-да. – Свердлов, соглашаясь с Махно, покивал часто головой, что-то черкнул у себя в блокноте, потом, взяв у гостя квиток, дающий право на проход в Кремль, что-то написал в нем размашисто. – Значит, так, товарищ... Давайте договоримся следующим образом: вы завтра зайдете ко мне в час дня снова, и мы вместе отправимся к товарищу Ленину. Не опаздывайте, пожалуйста. Вот вам пропуск, я его продлил, – Свердлов отдал Махно квиток, энергично потряс гостью руку. – До завтра!

Щеки у Свердлова были бурыми, нездоровыми, в сеточке темных сосудов – видно было, что человек этот – хворый. Махно ответил на рукопожатие хозяина кабинета также энергично.

«На другой день, ровно в час дня, я был опять в Кремле у председателя Всероссийского Центрального комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов – тов. Свердлова, – написал впоследствии Махно⁵. – Он провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть, а сам прошелся к своему, по-видимому, секретарю или переписчику и сказал ему:

– Вы, пожалуйста, закончите это к двум часам, – и лишь тогда сел напротив меня и начал расспрашивать».

Лицо у Ленина было, как и у Свердлова, нездоровым, лоб – серым, глаза – усталыми.

– Из каких вы, товарищ, местностей? – первым делом спросил Ленин, и Махно понял, – чутье он имел отменное, – что перед ним человек, что называется, конкретный – задает конкретные вопросы, надеясь получить конкретные, очень точные ответы.

Махно невольно подобрался, ответил сжато, красочно, четко, постарался в нескольких словах даже описать родное Гуляй-Поле, добавив гордо, что в селе есть металлургический завод. Отметил про себя, что Ленин в ответ одобрительно приподнял одну бровь.

– Как крестьяне ваших местностей восприняли лозунг

⁵ Стиль его, орфография, сокращения – подлинные, к ним ни рука автора, ни рука редактора этой книги не имеют права прикасаться.

«Вся власть Советам на местах!»? – картавя больше обычного, спросил Ленин, сунул правую руку за пройму жилетки – он был в жилетке, пиджак его висел на спинке стула.

Махно неожиданно подумал о том, что Ленин держит руку так, чтобы не пожимать руки всем, кто приходит к нему в кабинет – в конце концов это ведь неприятное занятие, требующее дополнительной гигиены.

– И как реагировали крестьяне на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной рады, в частности? – Ленин потер пальцами усталые глаза.

– Крестьяне и за винтовки брались, и в батальоны объединялись по своей инициативе, Владимир Ильич... Это было не раз. Австрияки с вартой боятся крестьян, очень боятся. Что же касается лозунга «Вся власть Советам на местах!», то он был воспринят крестьянами, как и положено – по-крестьянски, со всей душой, отождествляется непосредственно с самим сознанием и волей трудящихся, с тем, что сельские, волостные, рабочие советы есть не что иное, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией и ее прихвостнями – правыми социалистами и их коалиционной властью...

В ответ на это длинное выступление гостя Ленин удивленно приподнял рыжеватые брови – судя по тому, что в разговоре он трижды возвращался к тому, как крестьяне относятся к лозунгу «Вся власть Советам на местах!», тема эта осо-

бенно волновала его. Махно стремился отвечать так, как наметил в самом начале встречи – «литературно», с неким философским наполнением – похоже, эти ответы Ленину нравились, напрасно Махно сомневался... Каждый раз рыжеватые брови Ленина удивленно приподнимались.

Обстановка в кабинете вождя была простая, мебель – неказистая, словно бы ее вывезли из ближайшей гимназии, хороша была только большая зеленая лампа с литым бронзовым основанием, стоящая на длинном старом столе. Махно отметил про себя, что Ленин был доступен, прост в разговоре, по-хорошему въедлив, если чему-то не верил, то в разговоре к этому обязательно возвращался, сопоставлял ответы... Складывалось впечатление, что Ленин старается поймать собеседника не на словах, не на тексте – на запятых; другого человека это бы точно обидело, но только не Махно – Нестор решил, что он раскусил Ленина, и улыбнулся довольно.

«Далее мы перевели разговор на другие его вопросы, – записал Махно. – И на один из них – на вопрос о “красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищали наши общие революционные достижения”, – Ленин заставил меня ответить ему подробнейшим образом. Этот вопрос, видимо, беспокоил его, или же он восстанавливал в памяти то, что еще так недавно проделано было красногвардейскими группами и отрядами на Украине, проделано как будто успешно, с достижением той цели, которую Ле-

нин и его партия ставили перед собой и во имя которой посылали эти группы и отряды из далекого Петрограда и других больших городов России на Украину».

Нестор отметил, что от Ленина исходила какая-то особая энергия, он словно бы был начинен ею, энергия эта преобразалась у Ленина в физическую силу, делала речь и поступки этого человека значительными, и Махно, зачастую неуступчивый, своенравный – подчиняться он не любил и не умел, – ощущал в себе некую тягу к Ленину, он готов был подчиниться любой команде вождя...

Это ощущение он сохранил в себе надолго. Хотя с Лениным они больше не встречались.

Лето восемнадцатого года выдалось на Украине жаркое: на небе ни одного облачка, глубокая белесая высь сухо звенела, подрагивала горячо, пысила искорьем, как плохо протопленная печка, по ночам землю освечивали огромные таинственные всполохи, похожие на орудийные выстрелы.

Центральную раду немцы разогнали без всякого стеснения, она развалилась стремительно, словно бы была склеена из гнилого картона, из бумаги, ни один человек не заступился за нее, просто не захотел, а если бы захотел кто-то, то этому человеку живо бы завернули за спину руки и перетянули на заднице веревкой, слишком уж непопулярной была Центральная рада. Вместо Рады поспешно был избран гетман Украинской державы. Им стал Павел Скоропадский.

Между прочим – бывший царский генерал. Военскими заслугами он, правда, не прославился, но зато имел хороший прогиб спины – с лица его даже во сне не исчезала услужливая улыбка.

Выборы, конечно, были проведены, но скорее для проформы, для отвода глаз, и гетман Украинской державы, кряхтя, забрался в главное кресло Малороссии.

Немцы развернулись при гетмане на полную катушку – украинское добро потекло при Скоропадском на запад эшелонами: хлеб, уголь, скот в закрытых вагонах, мануфактура... Обобранные люди плакали по ночам. Крестьяне, сцепив зубы, выкапывали из земли припрятанные, завернутые в промасленную мешковину винтовки.

Махно, маленький, верткий, неведомо где ночующий, ночью появился в Гуляй-Поле. В селе стояли австрийцы, целый гарнизон, с австрияками – большой отряд варты – вооруженной военной полиции. У варты везде были расставлены свои заставы, но Махно благополучно обошел их.

Стукнул в окошко одной из хат в центре села.

На стук в доме зажглась слабенькая лампа-семилинейка, к окну метнулась женская фигура с распущенными волосами, разгладила стекло обеими ладонями, словно бы некую ткань, взгляделась в темноту ночи:

– Кто это?

– Я. Нестор. Открывай, Настя!

– Господи! – Настя кинулась к двери и, стараясь не грохо-

тать запором, открыла ее, заплакала тоненько, по-девчоночьи обиженно. – Не-естор...

Рядом с Настей оказалась мать, одетая в простую ночную рубаху, сшитую из сурового полотна, тронула Настю за плечо:

– Не плачь!

В избе сделалось тихо. Было слышно, как за печью, соревнуясь друг с другом, трещат два горластых неугомонных сверчка. Махно встревоженно огляделся. Спросил шепотом, чувствуя, что вот-вот задохнется – голос у него внезапно ослаб, потерялся, превратился в едва различимый шепот:

– А где же сын? Где Василек?

...Жена заплакала вновь. Следом за ней заплакала и теща. Махно все понял, опустил голову. Ощутил, как у него мелкой дрожью затряслись плечи. Спросил прежним, едва различимым, сходящим на нет шепотом:

– Давно это произошло?

Ответа он не услышал, да и не в ответе было дело, ответ уже ничего не значил: сам факт, что сына нет в живых, был страшен, он лишил Махно последних сил. В горле у него что-то забулькало, словно бы Махно решил прополоскать самогонкой больные зубы, он отер кулаком глаза. Настя висела на его плече и плакала, Махно погладил ее по голове, ощутил шелковистость волос, которые когда-то любил целовать, а сейчас все это ушло в прошлое, растворилось в холодной темноте, и ничего он уже не чувствовал, кроме боли, и к же-

не ничего не ощущал – ни любви, ни тепла, ни нежности. Со смертью сына Василька Настя сделалась для него совершенно чужой.

Произошло это стремительно.

Он стиснул зубы, небрежно смахнул Настю с плеча – то, что она повисла на нем копной, неожиданно вызвало раздражение. Махно фыркнул и натянул на голову картуз.

– Ты куда? – тонким дрожащим голосом спросила Настя. – Ночь же на дворе. Оставайся!

– Пойду, – глухо и хмуро произнес Махно, – меня хлопцы ждут.

– Австрийские патрули на улице, варта...

– Плевать! – Махно легко, совершенно беззвучно, словно бы был тенью бестелесной, затворил за собою дверь.

На улице было тихо. Слышно было, как в избе плачет Настя, захлебывается слезами, даже повизгивает по-птичьи от обиды и недоумения.

Сама виновата – не сумела сберечь ребенка. Не так уж и трудно было это сделать – сберечь славного Василька, у которого на голове было две макушки, два вихрастых завитка, что свидетельствовало о счастливой доле малыша, а оказалось, что доля-то совсем ни при чем – мать ее сгубила.

У Махно теперь были развязаны руки, он свободен для революции – семья осталась в прошлом. Пора поднимать черное анархистское знамя – крестьянам нужен вождь.

Вот он и станет вождем украинских крестьян. Около плет-

ня прошли двое с винтовками – патруль варты. Махно поспешно отодвинулся в тень, чтобы его не было видно, проводил патруль долгим взглядом. Подумал о том, что у него с собою и нагана нет – отдал Пантюшке Каретникову, тот поехал на хутор, где были спрятаны винтовки.

Если не будет оружия, то и черное знамя не понадобится – австрияки с вартой возьмут их голыми руками.

Вспомнился Ленин. Напористый товарищ, очень головастый... Интересно, есть ли у него дети? Или дети, которых он потерял? Махно ощутил, как у него дернулся, сделался деревянным, чужим рот, в груди шевельнулось и затихло слабое дыхание.

Конечно, красный цвет – это почетный цвет, он напоминает о крови, пролитой в борьбе, но черный цвет – самый чистый из всех существующих, его невозможно замарать, поэтому как бы ни привлекала правота Ленина, правота анархии все равно была для Махно сильнее, ярче, а значит, и привлекательнее.

Надо будет обязательно достать черного бархата на знамя и вышить на нем серебряными нитями один из лозунгов анархии, – а все лозунги у братьев-анархистов запоминающиеся, душу пропарывают насквозь, – еще вышить на знамени серебряный череп с костями. Народ за таким роскошным флагом валом повалит...

Анархия – не только «мать порядка» (своего порядка, который ни монархисты, ни социал-демократы, ни большеви-

ки, ни прочие партийные господа не знают, он им неведом), анархия – это штука заманчивая, к которой тянется и всегда будет тянуться русский мужик, анархия – это воля, а за волю в России столько народа положено. И сколько еще поляжет... Махно почувствовал, как у него дернулся и тут же застыл, одеревенел рот.

Слишком много времени он провел с Аршиновым-Мариным в Бутырке, вгрызаясь в книги по теории анархизма по самый корешок, а уж что касается творений родных, отечественных анархистов, Бакунина и Кропоткина, то он по нескольку раз перечитал их от корки до корки, пытаясь понять, в чем же заключается жутковатое, шаманье обаяние анархизма...

Когда Махно был в Москве, то прочитал небольшую книжицу «Как мужик попал в страну “Анархия”», которую ему подарил все тот же Аршинов-Марин, написана эта брошюра была языком простым, даже корявым, – если бы сам Махно взялся за перо, написал бы лучше, но Нестору брошюра очень понравилась. Он даже спросил у Аршинова-Марина:

– А еще пара таких книжиц не найдется?

– Зачем тебе, Нестор?

– Я своим друзьям на Украине подарю. Есть анархисты подлинные, которых ничто не возьмет, ни кулак, ни пуля, а есть анархисты колеблющиеся. За них надо еще бороться, иначе они уйдут на сторону.

– Чем же тебе понравилась книжка?

– Тем, что справедливая. Вы сами посудите, учитель, – Махно иногда Аршинова-Марина звал учителем и тот относился к такому обращению благосклонно, – мужика, который тут, на страницах, патлами трясет, – Махно приподнял брошюрку над столом, – все унижают, эксплуатируют, отвешивают подзатыльники, бьют розгами, заставляют вкалывать до посинения, – нет у человека в жизни ни одного светлого пятнышка... Когда его окончательно доперло – сбежал от барина, от власти, от судебного пристава, от бабы своей злобной, переплыл через реку и очутился в дивной стране «Анархии». Там – всего в досталь, никто не злобствует, работа – по возможности, еда – тоже по возможности, кто сколько хочет, столько и ест, лишь бы пузо не лопнул... Разве это плохо?

– Странно, об этом я как-то не подумал... – Аршинов-Марин озадаченно почесал пальцами затылок. – Пару книжек я тебе, Нестор, найду, но больше вряд ли.

– А больше и не надо...

Эти брошюры Махно привез с собою в Гуляй-Поле...

Вытянув голову, Нестор прислушался – не загребет ли где сапогами пыль очередной патруль? Было тихо. Он провел рукою по теплой стене хаты, в которой оставалось его прошлое, ощутил, как в глотке собрался соленый твердый комочек, сглотнул его и беззвучно перемахнул через плетень...

Наиболее отчаянные мужики в одиночку прятались по хуторам, боялись попасться на глаза и лютой варте, и австрия-

кам, уже здорово умерившим свой воинский пыл, но все еще сильным и злым, – и этих отчаянных надо было собрать в кулак.

В конце сентября восемнадцатого года полтора десятка мужиков все-таки собрались на чердаке большого дома в одном из хуторов.

Главный вопрос, который стоял на этом сборе, – где достать оружие? Винтовки были, несколько стволов, но этого мало. Их отрыли из-под огурцов, на грядках. Имелся один пистолет – Нестора Махно. И все. А нужен был по меньшей мере пулемет. Для начала хотя бы один. Один на всю честную компанию. Чтобы купить пулемет, нужны были деньги. А денег также не было.

– Деньги мы достанем, – спокойно проговорил Махно.

– Где, Нестор? – спросил Марченко. Марченко был признанным воякой – с фронта принес Георгиевский крест, был он человеком спокойным, в черных усах уже проблескивали тусклые серые нитки – сесть Марченко начал рано.

– Пощупаем, где есть деньги, там и возьмем.

– Где конкретно?

– Например, в Жеребецком банке.

– За сто верст отсюда киселя хлебать? Не слишком ли?

– Не слишком, – прежним спокойным тоном проговорил Махно, – и не за сто верст, а всего за пятьдесят. Разницу чуешь?

– Чтобы пройти пятьдесят верст, нужны хорошие кони. А

так мы и ноги собьем, и языки высунем.

– Достанем и коней.

– Где?

– Есть одно место...

Оказалось, место это – имение бывшего полицейского пристава, человека прижимистого, богатого, немало зла в свое время принесшего уезду, а сейчас затаившегося.

– Но винтовок, что есть у нас, для того, чтобы пошерстить пристава, не хватит, – сказал Махно. – Обязательно нужен пулемет.

– Где его взять? Отнять у австрияков? Не дадут.

– Зачем отнимать? Чтобы нарваться на пулю? Не надо.

Пулемет мы купим. – Махно порылся в кармане штанов, достал золотую николаевскую десятку, звонко шлепнул ею о ладонь, показал всем. Небольшой желтый кругляш, прилипший к потной коже, в темноте ярко светлел, будто на него направили ламповый лучик. – У кого есть деньги?

Следом в карман полез Марченко, также вытащил золотой червонец и так же, как Махно, прихлопнул его о ладонь – звук получился роскошный. Золотые монеты мужики старались таскать с собою – это были те самые заначки, про которых ни бабы не знали, ни отцы с матерями, ни близкие друзья, – с золотом всякий мужчина, как с оружием, чувствует себя увереннее: само золото, ощущение того, что оно есть, зашито в подкладку штанов, придает человеку смелость.

– Вот, – запоздало произнес Марченко.

– Молодец! – похвалил его Махно. – Но этих денег мало. Надо скидываться еще. – Он достал из кармана еще один червонец, положил в общую кучу.

Так на собранные деньги купили пулемет, к нему – три ленты с патронами. Это было уже что-то, с этим оружием можно и на пристава нападать, и банк брать, и щекотать задницу какому-нибудь раздобревшему богатею.

– На коней и – вперед! – скомандовал Махно. – Пулемет поставим на телегу – так строчить удобно. И народ, публику нашу дорогую, тоже перевозить удобно⁶.

Но коней, как и оружия, тоже не хватало. На «дело» пришлось выехать на двух телегах.

В гулкой, полной тоскливого волчьего воя ночи налетели на имение бывшего пристава. Пристав пробовал было огрызаться – сделал два выстрела из браунинга, но Махно, грозно привстав в телеге, секанул пулеметной очередью по высокому плотному забору, ограждавшему дом пристава – только щепки во все стороны полетели.

– Хватит баловаться пукалкой, пристав! – прокричал он. –

⁶ После Гражданской войны долго бушевали споры о том, кто все же изобрел тачанку. Фамилий называлось много, но потом методом отсева список разределся, стал жидким, и в конце концов в нем осталось две фамилии – Буденного и Махно. Собственно, сама идея – поставить пулемет на легкую бричку (а еще лучше на городскую пролетку), тогда просто витала в воздухе. Это была летучая идея. Тачанки были и у белых, и у красных, и у анархистов-махновцев, и у зеленых, и у бандитов, и у различных мелких батьков, расплодившихся на Украине в неимоверном количестве – на бричках с грозно торчащими на задках стволами «максимов» разъезжали все кому не лень... Это было очень удобно.

Кидай сюда ключи от конюшен, иначе дом спалим.

– Если я вам отдам ключи, вы меня тем более спалите, – прохрипел из глубины дома пристав.

– Клянусь святым черным флагом – не спалим! – прокричал в ответ Махно.

Из форточки вылетела и шлепнулась на землю связка ключей.

Лошади в конюшне пристава стояли знатные – чистые рысаки. Всего взяли шесть коней: четверку серых и пару гнедых.

– Теперь мы в любой степи запросто раствориться можем, – ликовал Махно, – отныне не будет силы, которая способна сдержать нас! – Он выкинул перед собой два пальца в виде рогульки – знак, похожий на «викторию».

Брать Жеребецкий банк выехали ночью, на место, оставив позади пятьдесят верст, прибыли под утро, когда серое небо стало стремительно розоветь – вот-вот должно было взойти солнце. Махно удовлетворенно потер руки:

– Вовремя прибыли, не опоздали.

Около банка стоял охранник в форме варты. Увидев телегу с пулеметом, он бросил винтовку и проворно вздернул вверх обе руки.

– Кышь отсюда! – рявкнул на него Махно, и часового мигом не стало – он стремительно закатился за ближайший плетень и, поерзав задом среди грядок, уполз в огромную кучу картофельной ботвы, – не видно его сделалось и не слышно.

Махновцы (впрочем, их тогда еще не звали махновцами, Нестор ходил пока в рядовых, хотя начальнические качества проявлялись в нем все круче и круче) прикладами винтовок сбили с дверей два висячих замка, внутренний, усложненной конструкции замок искорежили двумя выстрелами из трехлинейки, и он открылся сам, и очутились в помещении банка.

Собственно, банк этот трудно было назвать банком в общепринятом понимании этого слова – в нем имелось всего две небольших комнатки, да конторка, в которой сидел управляющий – вот и вся «производственная территория».

И сейф стоял не самый лучший, – без фирменного клейма, – склепанный то ли в Киеве, то ли в Екатеринбурге, то ли еще где-то на двух рабочих коленках. Семен Каретников хотел было подвесить к сейфу бомбу и рвануть, но Марченко остановил его:

– Не надо! У меня для этих целей есть лом.

– С собой взял?

– Естественно.

Запасливым мужиком оказался георгиевский кавалер.

Лом довольно легко подсунули под дверцу сейфа, вчетвером навалились, сейф закрыхтел, сопротивляясь, чуть не опрокинулся, дверца под мощным напором дюжих мужиков сдвинулась, Махно перехватил винтовку, сползшую с плеча Пантюшки Каретникова, и что было силы ударил прикладом по замку.

Хоть и мал был ростом Нестор Махно, и телосложение имел куриное – силы вроде бы никакой, лишь грозный взгляд, крутые, как у монгольского воина скулы, одна губа внахлест на другую, а был жилист и силенку имел немалую, короткими грубоватыми пальцами своими мог схватить лошадь за гриву и остановить ее. Казалось бы – ну что такое удар прикладом по замку? Замок не должен был вывернуться из расщелины, в которую его загнал неведомый мастер, а он вывернулся сам и вывернул стальной язык из толстой замочной скважины.

В сейфе были деньги, много денег... Увезли налетчики с собой в Гуляй-Поле сорок четыре тысячи рублей. Нестор был доволен: кони есть, деньги есть, осталось решить две задачи, после чего можно было выпить горилки за предстоящие успехи, – укрепить группу людьми и добыть еще оружия.

Днем устроили соревнования по стрельбе из винтовки-трехлинейки – прямо в степи, в открытом месте: кто больше набьет махоток – пол-литровых и литровых молочных крынок, – тот и победитель.

– Никого не зацепим? – оглянувшись по сторонам, спросил Чубенко.

– А что из того, если и зацепим? – Махно приподнял одно плечо, почесался о него щекой, взял из телеги винтовку, передернул затвор. Приказал: – Пантелей, ставь махотки!

Пантюшка Каретников выгрёб из мешка, стоявшего там

же, в телеге, несколько крынок.

– Сколько шагов отмерить, батька? – спросил он. – Пятьдесят, семьдесят пять или сто?

Махно довольно приподнял одну бровь: то, что его назвали «батькой», понравилось.

– Ставь сразу на сто.

– Не далеко ли?

– А чего мелочиться? Ставь!

Каретников подхватил махотки и потрусил в степь, в рыжеватое, выжженное солнцем пространство, на бегу считая шаги:

– Раз, два, три, четыре, пять...

– Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять. –

Махно хмыкнул.

Пантюшка досчитал до ста и остановился. Оглянулся на Махно:

– Как? Нормально будет или все-таки малость подсократить дистанцию? А?

– Ставь махотки.

Каретников поспешно поставил в рядок шесть крынок – сколько смог насадить на пальцы обеих рук и унести, столько и поставил, – и торопливо, мелкими спотыкающимися шажками потрусил обратно. Он даже еще не добежал до тачанки – не успел, – когда Махно поднял винтовку, повел стволом вдоль рядка красноватых, украшенных незатейливым орнаментом – орнамент местный, гончар обычно делает его либо

щепкой, либо пальцем, – крынок.

– Стрелять будем, значит, так, – сказал он. – Каждому на руки – по пять патронов. Кто больше крынок расколотит – тот и победитель.

– А приз, батька? – спросил Пантюшка. – Обязательно должен быть приз.

– Приз будет такой... Двести рублей из Жеребецкого банка. – Махно прицелился и выстрелил. Сухо вживкнула пуля, рассекая горький степной воздух, крынка, стоявшая посередине рядка, разлетелась на несколько крупных черепков.

Пантюшка захлопал в ладоши:

– Браво, батька!

– погоди, еще не все пули отстреляны, – осадил его Махно, выбил из казенной части стреляную гильзу, попахивающую кислой гарью, – еще не вечер... – Резким движением он послал затвор вперед, загоняя в ствол новый патрон.

Задержал в себе дыхание, зажал зубами что-то невидимое и, похоже, невкусное – одна бровь у Махно недовольно взлетела вверх, вторая, наоборот, опустилась, – и вторично нажал на спусковой крючок.

Над степью шевельнулся воздух, вторая крынка разлетелась на куски.

Пантюшка снова захлопал в ладоши, лицо его сияло радостью. Махно подумал о том, что нельзя быть таким открытым человеком, как Пантюшка: все, о чем он думает, написано на лице, все мигом вылезает наружу... А с другой сто-

роны, кто любит скрытных людей? Никто. И Махно их тоже не любит.

Он выбил из казенника дымящуюся гильзу, небрежно сплюнул себе под ноги. Глаза его, способные в момент ярости высветливаться до водяной выгорелости, были темными. И одно плохо, и другое плохо...

Нужно что-то среднее между первым и вторым, между скрытностью, мутью и незамутненной открытостью.

– Ну, батя, ну, батя! – продолжал захлебываться довольный Пантюшка Каретников.

Брат его Семен был совершенно другим по характеру, – стоял, сощурился, и покосился зубами сухую травинку.

– Не отбивай себе ладони, погоди, – отмахнулся от Пантюшки Махно, вновь вскинул винтовку, прижался щекой к теплему прикладу. Короткие пальцы его были цепкими, винтовку Махно держал крепко. С третьего выстрела он сшиб третью крынку – в траву сухими рыжими цветками полетели глиняные осколки.

На этот раз не удержался даже Семен Каретников – не в пример своему брату опытный стрелок и бомбист, пощелкал восхищенно языком и вздернул вверх большой палец правой руки: Семен не ожидал, что Махно может быть таким метким стрелком – похоже, что он способен из кривого ствола палить даже за угол дома и там находить цель.

А ведь действительно из Нестора может получиться толковый батя – настоящий партизанский командир. Пока же

Махно еще не был батькой – за него, как за батьку, никто не проголосовал. Хотя у Махно имелось то, чего не было в других...

Даже когда его крестили в Гуляй-Поле, в местной церкви, на священнике неожиданно загорелась ряса. Случилась вещь неожиданная, загадочная, священник был так удивлен, что у него затряслись руки, и он не смог вовремя потушить рясу – выгорел целый кусок.

Об этой истории в Гуляй-Поле каждый год вспоминают бабушки, судачат, перемывают косточки Нестору на разные лады.

В юности Махно занимался экспроприацией – это модное нерусское словечко в ту пору прочно сидело во многих, даже самых неграмотных головах, – за что получил приличный срок на каторге, но в сибирские рудники Нестор Махно так и не попал – отсидел свое в Москве, в Бутырской тюрьме. Таким «боевым» прошлым в Гуляй-Поле также никто не мог похвастаться.

Четвертый выстрел оказался у Махно пустым – он промазал. Спокойно выбил гильзу себе под ноги и проговорил ровным, лишенным всякого выражения голосом:

– По-моему, этот патрон имел пороховой заряд, но не имел пули. – носком сапога он отбил от себя гильзу, уголок рта у него брезгливо дернулся. – Пуля выпала по дороге.

– Все равно, Нестор Иванович, результат очень приличный даже для фронтовика, – проговорил Марченко, – не вся-

кий окопник может таким похвастаться.

Лоб у Махно покраснел.

– Я же сказал – еще не вечер, – произнес он твердым тоном. – У меня есть еще один выстрел. Не вечер... Правильно поется в известном дамском романсе.

С пятого выстрела он расколотил еще одну крынку – колючие рыжие осколки брызнули во все стороны. Пантюшка Каретников вновь захлопал в ладони:

– Браво, батька!

Махно отдал ему винтовку.

– Стреляй. Твоя очередь.

Пантюшка подхватил несколько махоток и, помывывая что-то себе под нос, пополнил ряд выбитых крынок на «огневом рубеже» новыми.

Отстрелялся он плохо: из пяти пуль только одна попала в цель. Брат его Семен презрительно сплюнул в сторону:

– Ворона ты, Пантюшка!

Тот нисколько не был обескуражен неудачей.

– Ну и что? И на старуху бывает, дед наваливается – пробует дело сделать, а у него того... не получается. Так и у меня. Маху дал.

Семен стрелял третьим – «огневой рубеж» даже пополнять не пришлось – семи крынок, которые стояли в тот момент среди битых глиняных осколков, вполне хватало для пяти метких выстрелов.

Семен Каретников из пяти крынок расколотил только три

– меньше, чем Махно.

Марченко по первым двум хлопкам понял, что Семен Каретников отстреляется «фифти-фифти», не нашим и не вашим, как принято говорить в Гуляй-Поле – напрасно он навалился на своего братка. Отстреляться можно было и лучше. Марченко отер ладонью простудный нос и приблизился к Махно:

– Про отряд Федора Щуся, случаем, ничего не слышал?

– Нет. А что?

– Разбили его австрияки наголову. В Дибровском лесу Щусь ныне отсиживается, раны залечивает.

– Пока мы будем действовать поодиночке, каждый сам по себе, нас поодиночке и долбать будут. Так и передавят всех, как слепых котят. – Махно поджал нижнюю губу и покосился на Марченко: – А к чему ты, собственно, клонишь?

– К тому, что нам неплохо пощупать Щуся... Может быть, даже и объединиться.

– А что? Неплохая мысль! – Махно, как всегда, загорелся мгновенно и был готов мгновенно действовать. – Где, ты говоришь, он сейчас находится?

– В Дибровском лесу.

– Едем! Сейчас же!

– Батяка, а как же насчет приза? – подал голос Пантюшка Каретников. – Еще не все отстрелялись.

– Тебе-то приз не светит ни при каких обстоятельствах.

– Ну и что, что не светит... Я – за справедливость.

– Как будто бы я не за справедливость... – Махно хмыкнул, насупился, глаза у него начали стремительно светлеть.

Пантюшка сжался – знал, что означают такие глаза у Нестора, скосил взгляд в сторону и проговорил враз заскучавшим голосом:

– Батька, как решишь, так и будет.

Махно сморщился:

– Ладно, пусть все отстреляются и на том закончим это старорежимное состязание... Потом завернем в Гуляй-Поле и прихватим с собой кое-кого из хлопцев. Чтобы веселее ехать было.

Из пяти пять не выбил никто. Четыре кринки из пяти, кроме Махно, поразил еще Марченко – стрелял он вдумчиво, тщательно прицеливался, на спусковой крючок нажимал плавно, будто на показательных учениях, хлопающую отдачу приклада, способную вывернуть плечевую кость, гасил умело.

– Итак, главный приз заработали два человека, – провозгласил суетливый Пантюшка Каретников, – батька и Марченко... Значит, каждому выдать по равной сумме – по двести рублей.

Махно вновь нахмурился, щека у него дернулась: опять Пантюшка шустрит... Вот человек – без мыла может влезть в любую задницу, а если с мылом, то не только в человеческий зад просклизнет – протиснется даже в тараканий.

– Никаких два по двести, – обрезал Махно. – Двести де-

лим пополам: сто мне и сто... – Махно повел головой в сторону Марченко. – Я от своей доли отказываюсь – пусть находятся в общей кассе. Пригодятся денюжки... Если мы не добудем пулеметы – их придется покупать. На это деньги и пойдут.

– Я от своей доли также отказываюсь, – заявил Марченко.

– Так неинтересно, – сморщился Пантюшка, – всякое соревнование «кто кого» должно иметь приз.

– Вот разбогатеет по-настоящему, тогда будут и призы... Выдам обязательно, – пообещал Махно. В облике его проглянуло что-то хищное, как у зверя, приготовившегося к прыжку. – Призы будут запоминающиеся. А сейчас – едем!

В селе прихватили несколько человек, в том числе и Петренко, бывшего прапорщика, знавшего Дибровский лес, как свои пять пальцев, – он в этих краях родился, в лесу играл в казаки-разбойники, лично знаком с каждым деревом, – и двинулись в сторону Юзовки. К лесу, где сейчас сидел Щусь.

Взгляд у бывшего прапорщика был внимательный, с усмешкой, щеки впалые, загорелые, губы плотно сжаты – натура у Петренко была цельная, упрямая, хотя лидером он никогда не был и не стремился к этому.

В темноте остановились на берегу неширокой, очень спокойной речки. Было слышно, как недалеко, на мели, лупит хвостом здоровенный сом – глушит мальков: загонит их в удобное место, гулко хлопнет хвостом, оглушит, мальки только вверх пузом опрокидываются, а сом, широко рази-

нув рот, втягивает их сотнями в себя вместе с водой. Мальки прямым ходом отправляются в ненасытный желудок, а ненужную воду сом выплескивает через жаберные крышки обратно в реку... Затем начинает новый загон.

– Вот гад! – восхищенно произнес Махно. – Ни дна у этого ведра, ни крышки.

Вгляделся в реку. По ту сторону лежала, вольно разбросавшись по земле, – каждый хозяин отхватывал себе столько земли, сколько хотел, – деревня.

Сумерки сгущались. В нескольких домах уже тускло поблескивали огоньки – хозяева зажгли лампы. Повернувшись к бывшему прапорщику всем корпусом – у него простудно прокололо шею, попал где-то под сквозняк, – Махно спросил:

– Шо це за речка?

– Называется Волчья...

– Ну и название!

– Тут полно логов к реке выходит, в них волки обитают. Сколько ни пробовали их выжить оттуда – не удалось. Своих волки, правда, не трогают, – и в Дибровке, и в Большой Михайловке эти звери каждого жителя в лицо знают, – а вот чужим спуска не дают.

– Задирают до смерти?

– Бывало и такое.

– Брод здесь есть?

– Самый ближний – Злодейский.

– Еще одно хорошее название, – Махно усмехнулся, – из той же загадочной серии... Злодейский брод. Тачанка, телега наша, здесь пройдет?

Неведомо, кто телеги с пулеметами назвал тачанками, но броское слово это прижилось и очень быстро внедрилось в обиход.

– Пройдет, – уверенно ответил Петренко, – там воды – коню по колено. Даже до брюха не достанет.

– Но сомы все-таки водятся.

– Местный народ их не ест, считает сомов поганой рыбой.

– Это почему же?

– За то, что падалью любят лакомиться.

– Мальки же – не падаль. Вон как сом их шустро гоняет.

– Мальки – исключение из правил, Нестор Иванович.

В темноте переплавились на тот берег речки, поближе к селу, но в само село заезжать не решились – вдруг там варта или австрийцы? Утром, посветлу, лучше сделать разведку, а потом уж и прокатиться с гиканьем и свистом по главной деревенской улице.

– Петренко, готовься! Утром пойдешь в разведку, – приказал Махно. – Надо узнать, где конкретно находится Щусь... Двух хлопцев даю тебе в помощь. Хватит?

– Хватит.

– Только хлопцев не подставляй, очень тебя прошу... Сам ты местный, тебя не тронут, а из хлопцев моих могут нарезать ремней.

– Все будет в порядке, батька.

«Во, еще один батькой назвал», – в душе Махно шевельнулось что-то благодарное, теплое, губы у него дрогнули, расплылись в довольной улыбке. Хорошо, что в сумраке эту улыбку никто не видит.

– Ночевать будем здесь, на берегу, – отдал он распоряжение.

Утром Петренко отправился в село, через час вернулся довольный, с усами, измазанными сметаной, с собой бывший прапорщик притащил целых две кринки, в каждой – не менее двух литров. Протянул кринки Махно:

– Угощайтесь, Нестор Иванович.

– Вначале о деле, – сказал тот. – Что со Щусем?

– Здесь сидит, в Дибровском лесу, никуда не делся.

Махно безуспешно пытался вспомнить – встречался он раньше со Щусем или не встречался? – выходило, что встречался, а вот где конкретно и когда, в какой обстановке – вспомнить не мог – память словно бы провисла. Он недовольно шевельнул ртом, глянул на реку, отметил, что по розовой глади поплыли крупные круги – это подавал весть давешний сом-разбойник, было бы время – соорудил бы на него пару закидушек, изловил бы мерзавца (сам Махно в отличие от здешних жителей сомятину любил: нежная, сочная, бескостная, тает во рту, а на сковородке жарится без всякого масла). Решил, еще раз прокатав все варианты в мозгу, что выдвигаться всей оравой в лес нельзя, вчера он принял

правильное решение – туда должен пойти Петренко с двумя помощниками. . . Не то ведь Щусь может открыть пальбу без разбора, и тогда на выстрелы придется отвечать, а любой ответный выстрел – это ссора на всю жизнь. . . Все правильно – надо отправить туда папу разведчиков, даже Петренко не надо отправлять – мало ли какие у него отношения со Щусем, – пусть разведчики и сговорятся с этим воинственным моряком о встрече.

И записку надо будет нарисовать. Для пушей убедительности. . . Махно достал из телеги кожаную офицерскую сумку – хлопцы реквизировали в имении немецкого колониста, – написал короткую, в несколько слов, цидулу, отдал посыльным – двум молодым гуляйпольским парубкам. Один из них раньше служил на флоте – был одет в матросскую форму.

– Чтобы одна нога здесь, другая там, – ткнул в сторону леса. – Вперед, орлы!

Медленно потянулось время. В реке продолжал буйствовать ненасытный сом. Где-то недалеко подала голос и тут же смолкла молодая волчица. Кони, привязанные длинными поводками к телегам, перестали выстригать траву и запрядали ушами.

– Тихо-тихо, – осадил их Петренко, глянул на часы – старый карманный «мозер», поцокал языком и засунул «хронометр» во внутренний «пистон» – маленький кармашек, пришитый к изнанке кителя. – Может, все-таки надо было пойти мне, – произнес он задумчиво, – я хоть Федьку в лицо

знаю... Правда, лет шесть его не видел, но все же с ним знаком, – свой же, а эти ребята и слыхивать о нем не слыхивали, и видывать не видывали...

– Сейчас поздно что-либо менять. – Махно пожевал сохлую травинку, поморщился – былка была горькой, – швырнул в воду спекшийся комок земли. – Будем ждать.

Через час вернулся один из разведчиков.

– А где второй? – спросил Махно. – Где матрос?

– Щуть оставил его у себя в заложниках.

– Это за какие же такие провинности? – Махно недовольно сощурился.

– Не поверил, что вы здесь, батька!

Вот еще один человек назвал его батькой. Какой по счету? Третий, четвертый, пятый? Дело идет к тому, что быть Нестору крестьянским вождем. Морщины, собравшиеся у Махно на переносице, расправились.

– А записка?

– Записке не поверил. Говорит – это обман, розыгрыш.

Махно вскинулся, легко запрыгнул в телегу-тачанку, проверил, хорошо ли заправлена лента в пулемет. Скомандовал:

– Запрягай лошадей!

Из-под домотканой холстины, которой была застелена тачанка, вытащил винтовку, загнал в ствол патрон. Лицо у Махно подобралось, сделалось жестким, губы сжались.

В глубину леса на тачанках проехать не удалось – дорогу перегородило несколько поваленных деревьев, Махно цеп-

ким взором окинул их – давно ли повалены?

Деревья были повалены давно – со стволов уже начала длинными неряшливыми лохмотьями сдираться подгнившая кора. Пахло сыростью, грибами, осенью, созревшими ягодами.

– Ладно, мы люди негордые, доберемся и пешком, – Махно подхватил с тачанки винтовку, подкинул ее в руке. Потом, подумав немного, швырнул ее обратно в тачанку: не гоже предводителю, как простому солдату, с винтовкой в руке бегать. У предводителя должен быть наган. Наган – оружие генералов. Повторил – уже тише, с раздраженными нотками в голосе: – Доберемся и пешком...

С тачанками и лошадьми оставили Пантюшку Каретникова. На прощание Махно наказал:

– Ежели что – руби из пулемета, прямо по стволам деревьев. – Губы Махно неожиданно тронула грустная улыбка, он призывно махнул рукой и, сбивая морось с кустов, вса-дился в чашу.

Хлопцы последовали за своим вожакom – ни один не замешкался, не споткнулся в секундном сомнении: у Щуся, мол, их ждет ловушка (хотя и такое могло быть: вдруг Щуся изловили австрийцы и насадили на крючок, как приманку?) – Махно все больше и больше набирал авторитет.

До Гуляй-Поля в свое время доходили разные слухи о побегах Махно из тюрьмы. Говорят, пойманный после очередного побега, он молча сносил истязания тюремщиков –

сколько те ни били его – ни крика, ни стопа, ни писка не слышали, не дождались просто, – Махно молчал.

Тогда они стали его избивать изуверским способом: брали за ноги, за руки, приподнимали над бетонным полом, затем плоско, спиной вниз, швыряли. У другого человека просто бы отлетели почки, легкие, оторвалось еще что-нибудь, а Махно – ничего, Махно уцелел. Лишь иногда у него ныне, словно бы в память о той жестокой поре, наливались густым кирпичным румянцем щеки, да жестко светлели, наполняясь металлом, глаза...

Через пятнадцать минут Махно вышел на небольшую утопанную поляну, посреди которой горел костер, и остановился, неожиданно потяжелев лицом: на поляне, выстроившись в каре, стояли... австрийцы. Неужели вляпались? Ловушка! Коротко дернув плечом, словно бы его пробил боль, Махно схватился за кобуру пистолета. Сзади защелкали взводимые затворы винтовок...

Вот она, судьба-злодейка, ни в одном, так в другом, но свое обязательно возьмет. Махно прикинул взглядом, куда прыгнуть... Слева теснился густой куст лещины с мелкими, обтянутыми темными подсыхающими лепестками орехами, справа зияла яма, набитая гниющими ветками, очень похожая на звериную ловушку, сзади атамана подпирали хлопцы. Даже перестроиться в цепь не успеют – всех перестреляют австрияки. Впору застонать от досады...

Солнце било пришедшим в лицо – не все было видно

Нестору Махно, потому он так и среагировал на вражеские мундиры.

Но ни одного выстрела ни с одной, ни с другой стороны не прозвучало. Вместо выстрелов послышался крик:

– Нестор Иванович! Товарищ Махно!

Через поляну, путаясь в клешах, к Махно бежал статный моряк в бескозырке, в бушлате, перетянутом двумя пулеметными лентами. По ноге моряка бил маузер в лаковой деревянной кобуре, с другой стороны молотилась сабля, на поясе висели две немецкие бомбы с длинными ручками. Махно вспомнил, где видел этого человека...

– Добро пожаловать, товарищ Махно! – Щусь широко раскинул руки, намереваясь покрепче обнять дорогого гостя.

Махно раскинул руки ответно. Встречал он этого красавца и на пыльных улицах в Гуляй-Поле, видел в рядах анархистов на разных митингах и топтучках, проводимых под черным флагом, – в частности, на конференции в Таганроге.

Обнялись.

Австрийское войско оказалось вовсе не австрийским – это люди Щуся обмундировались за счет оккупантов, за их же счет они и вооружились: у доброй половины стоявших в каре в руках были немецкие винтовки.

А вообще это были обычные сельские мужики с обветренными дружелюбными лицами. Махно молча поклонился им. В ответ раздались разрозненные восклицания. Чувствовалось, что эти люди рады Нестору Махно, они так же, как

и Махно, понимают, что в одиночку пропадут – всех переловят, передавят, перевешают... Надо объединяться. Махно ощутил, что внутри у него сделалось тепло, заморгал благодарно. Затем по-мальчишески, кулаком, протер глаза и прилюдно обратился к Щусю:

– Ну что будем делать?

– Что делали раньше, то будем делать и сейчас, – не задумываясь, ответил Щусь.

– А что мы делали раньше? – строго сощурившись, словно учитель в церковно-приходской школе, спросил Махно.

– Как что? – воскликнул Щусь озадаченно. – Били австрияков, били немаков, били немецких колонистов – уж дюже погаными оказались их морды, били разных охранников, – будем бить их и дальше.

– Но и вас ведь тоже били, – не выдержал Махно.

Щусь виновато потупил голову и признался – голос у него враз сделался севшим, каким-то скрипучим, – хотя признаваться матросу было больно:

– Было дело...

– Так вот, чтобы подобных дел больше не было, надо объединяться. Иначе в этом же лесу, дорогой товарищ Федор, тебя и накроют. Пора поднимать людей, пора создавать настоящую армию. Свою армию – повстанческую, крестьянскую! – Махно повысил голос.

По лицу Щуся проскользила тень: в своем отряде он сам себе хозяин единоличный, собственной персоне только и

подчиняется, и все подчиняются ему, а вот если сольется несколько отрядов – придется подчиняться другим. Тому же Махно. Он ухватил губами ленточку бескозырки, пожевал ее.

– Ну, чего думаешь на этот счет, товарищ Щусь? – спросил Махно.

Тень вторично проскользила по лицу Щуся.

– Да вот, размышляю, – ответил он невнятно, выплюнул ленточку изо рта. – Тьфу, чуть в горло не втянулась. – Выпрямился, глянул на людей, стоявших в каре. – Как решат хлопцы, так и будет.

Именно в эту минуту Щусь понял, что он и в большом отряде останется Федором Щусем, красавцем и храбрецом, не потеряется, поскольку второго такого человека на здешней земле нет.

– Ну что, хлопцы? – громко спросил Махно, обращаясь к мужикам, давно уже вышедшим из возраста хлопцев – половина из них, была отцами семейств, некоторые уже успели настрогать по двое-трое детей. – Что на это скажете?

– А чего говорить-то, батька? Поодиночке нас переловят, как курей, и на закуску к немецкому шнапсу пустят... Дело говоришь. Поддерживаем!

У Махно вновь сделалось внутри тепло, улыбка сама собою возникла на лице: он опять услышал ласковое слово «батька», благодарно поклонился селянам, одетым в трофейные мундиры.

– Спасибо, мужики, – произнес он тихо, почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло, подползло к горлу, в следующее мгновение он сделал шаг к Щусю, обнял его. – Отныне мы будем вместе.

Так начала создаваться Повстанческая армия батяки Махно...

Объединение, подобное тому, что произошло, не было возможно еще три-четыре месяца назад: австрийцы хоть и лютовали, но не так, как сейчас, не жгли людей в хатах, не расстреливали старух, не били младенцев головами об углы домов, не отрезали мужикам гениталии – впоследствии историки, кстати, отметили, что австрийцы вели себя на Украине хуже немцев.

Неподалеку от Гуляй-Поля действовал отряд Ермократьева – небольшой, верткий, имевший хороших коней. Взять такой отряд без наводчиков было трудно – только с помощью предателей, работавших на латифундиях немецких колонистов, да тех, кто был близок к варте, имел там родственников, еще могли подсобить разные прихлебатели, которых было не так уж много, – свои же, сельские, выдать не могли.

Отряд Ермократьева накрыли.

Был бой. Ермократьева взяли в кольцо, хотели прихлопнуть, будто муху, но Ермократьев, огрызаясь пулеметами – двумя ручными «люисами» и «максимом», установленным на телеге, выдернул из капкана хвост и ушел. Правда,

несколько человек все же остались в лапах у австрийцев и начальника Александровской уездной варты штабс-капитана Мазухина.

Австрийцы, недолго думая, решили развесить по деревьям, на манер фонарей, пленных, Мазухин это дело поддержал, даже похлопал в ладони и взялся выполнить грязную работу.

Пленных мужиков он повесил и сообщил об этом в Киев телеграммой самому гетману Скоропадскому.

Имя штабс-капитана стало греметь в уезде...

Махно прыгнул в бричку, установил пулемет – бричка враз превратилась в тачанку, взял с собою несколько человек, Пантюшку Каретникова посадил на головную тачанку, сунул ему в руки вожжи, на вторую тачанку определил старшим Пантюшкиного брата Семена и гикнул лихо.

Тачанки с топотом и скрипом понеслись по пыльным улицам Гуляй-Поля, разгоняя кур, собак, драных гулящих кошек и вскоре выметнулись на простор. В лица махновцам ударил крутой дух сухого чабреца и полыни, из глаз от ветра выступили слезы.

Рессоры у головной тачанки были новенькие – хозяин лишь полторы недели назад поменял их, – колеса хорошо смазаны; скрипела вторая тачанка, первая шла будто автомобиль, с каким-то сочным маслянистым шелканьем... Дорога стремительно уносилась назад.

– Эх-хе! – азартно выкрикнул Пантюшка, подгоняя лоша-

дей – у тех даже гривы взвились от его вскрика (хороших все-таки коней взяли у бывшего полицейского пристава). – Шевели лаптями, милые! Проворнее, проворнее работайте!

Лошади, будто разумея человеческую речь, старались.

На подъезде к Лукашову – справному, очень светлому селу, – располагалось кладбище. На кладбище было много народа, особенно старух, – все в черном, будто бы их специально согнали сюда со всей округи. Старухи голосили надрывно.

– Похоже, людей из ермократьевского отряда хоронят, – предположил Махно и скомандовал Пантюшке: – Стой!

Когда тот остановил лошадей, спрыгнул с тачанки. Следом за ним спрыгнул Семен Каретников, двинулся шаг в шаг за Нестором. Хотя ничего опасного не было – среди людей, запрудивших кладбище, не было видно ни австрийцев, ни мужчин в форме варты, но все-таки, как говорят, береженого Бог бережет, и Семен решил подстраховать предводителя. Что-что, а бомбу с пояса он сможет сорвать мгновенно, на это понадобится всего несколько секунд.

Увидев вооруженных людей, старухи перестали голосить. Махно почувствовал, как у него дернулась и застыла, внезапно сделавшись деревянной, правая щека: ему показалось, что на кладбище пахнет кровью.

У братьев Каретниковых в Лукашове жили родственники – родной дядя с многочисленным семейством. Увидев знакомого, Семен обогнул Махно, поинтересовался неожиданно зазвеневшим голосом:

– А как тут дядек мой? Жив-здоров?

– Нет больше твоего дядька... – ответ заставил Семена Каретникова согнуться, будто от удара в поддых, он ошалело покрутил головой. – Австрияки повесили.

– Как? – выдавил Семен из себя с трудом, хрипло и сам не узнал свой севший голос.

– Очень просто. Веревку на шею – и на акацию, через самый толстый сук...

Семен Каретников закашлялся, выбил из себя что-то соленое, тягучее, противно приставшее к глотке.

– За что же... его?

– Ни за что. Как и всех остальных. Только за то, что мы живем на Украине.

Каретников сглотнул слезы, натекшие ему в рот, покрутил головой ошалело, словно бы его отхлестали кнутом.

– Ермакратьев жив?

– Жив, курилка. Что ему сделается. Если бы ни он – наших мужиков всех бы перебили. Ермакратьев сумел их вывести из кольца.

– Он в селе?

– Там. Где еще ему быть?

Каретников выразительно глянул на Махно, тот в ответ наклонил голову: слышал, мол. Махнул рукой, будто шашкой:

– Поехали дальше!

Лукашово – село, радующее глаз, все хатки беленькие,

подмалеваны ровненько, на печных трубах стоят защитные кокошники, ставни и наличники выкрашены в одинаковый голубой цвет – видать, другой краски в здешней лавке не было.

– Ты Ермакратьева в лицо знаешь? – спросил Махно у Семена Каретникова.

Тот отрицательно мотнул головой.

– Может, видел когда-нибудь, но не помню.

– А брат твой Пантюшка?

– Не думаю.

– Ладно, найдем Ермакратьева без всяких опознавательных знаков, – решил Махно.

Он был прав – Ермакратьев сам вылез из сеновала, с трухой, застрявшей в волосах, хмуро глянул на Нестора, не удержался, чихнул.

– Я – Махно, – сказал тот.

– Врешь! – Ермакратьев воинственно выпятил нижнюю челюсть. – Махно я знаю лично. Ты – не Махно.

Нестор засмеялся.

– Тебе что, метрику показать?

– А почему бы и нет. И не финти, не крути мне пейсы: ты – не Махно. Имей в виду – стоит мне пошевелить пальцем и дать команду – всю твою гвардию сметет «максим». Ты под прицелом.

Махно залился смехом еще пуще, за ним начали хохотать и хлопцы, подпиравшие Нестора сзади. Действительно, си-

туация, несмотря на похороны, в которых они едва не приняли участие, смешная, – смешнее не придумаешь. До «максима» дело, конечно, не дойдет.

– Я и вправду Махно, – сказал Нестор, порылся в кармане кителя, достал оттуда справку, с которой ездил несколько месяцев назад в Москву, затерханную, желтую, бережно развернул ее, сунул под нос Ермократьеву:

– На, читай! И учти – пулеметы и у меня есть.

Ермократьев негнушмиися заскорузлыми пальцами взял справку, поднес к глазам, неверяще зашевелил губами... На лицо его напоззла краска.

– А ведь ей-ей... Ошибся я. Ты – Махно. – Ермократьев смущенно кашлянул в кулак.

– Собственной персоной...

– Извини, Нестор Иванович, богатым будешь, – Ермократьев еще раз покашлял в кулак. – Вот я опростоволосился, так опростоволосился... – Он вернул справку гостю.

– Правильно делаешь, что проверяешь, – сказал Махно, аккуратно сложил здорово обветшавшую бумагу, засунул ее на старое место, в карман кителя. – Время ныне такое: доверять – доверяй, но обязательно проверяй.

Ермократьев обернулся, призывно махнул кому-то рукой – наверное, своим людям, лежавшим за «максимом», напряженное серое лицо его расцветилось улыбкой.

– Свои! – выкрикнул он.

Махно вместе с Марченко зашел в чистую тихую избу.

Пахло самогонкой и копченым салом.

– Неплохо живете, – заметил Махно. – И продукты есть, и выпивка.

– То самое, Нестор Иванович, что австрияки не отняли, – Серое лицо Ермократьева побледнело, кулаки сжались сами по себе. Кулаки у Ермократьева были пудовые. – За своих мужиков, загубленных ни за что, я этих австрияков до самого гроба своего гонять буду...

– Не кипятись, они уйдут отсюда раньше, чем ты их догонишь, – сказал Махно.

– И капитанишку этого, Мазухина, я из-под земли достану, – Ермократьев взмахнул тяжеленным кулаком, лицо у него болезненно дернулось, под глазами, будто синяки, высветились тени.

– Насчет поквитаться с Мазухиным можешь рассчитывать на меня, – сказал Махно, – вместе мы его быстро изловим.

Ермократьев протянул гостю руку.

– Спасибо, – произнес он благодарным голосом, – такие вещи не забываются.

Они решили устроить на Мазухина охоту.

– Достань мне офицерские погоны, – попросил Махно Ермократьева.

– В каком чине? – деловито осведомился тот.

– Ну-у... не ниже прапорщика.

Ермократьев рассмеялся.

– Ниже прапорщика офицеров не бывает.

– Этот чин, когда я ездил в Москву, помог мне больше, чем пистолет с полным комплектом патронов. Оказалось – прапорщиков в одинаковой мере уважают и солдаты, и генералы, и красные, и белые. Так что я не считаю чин прапорщика низким.

Похмыкивая, похрюкивая в кулак, переваливаясь по-гусиному с ноги на ногу, Ермакратьев покругил немного вокруг Махно и принес погоны капитана – новенькие, золотые, чисто капитанские – на них не было ни одного прокола для звездочек предшествующих званий: ни двух – подпоручика, ни трех – поручика, ни четырех – штабс-капитана. Похоже, погоны эти вообще ни разу не были надеваны. Махно удовлетворенно поцецекал языком, приладил их к плечам своего кителя.

– Ну как, Ермакратьев, похож я на офицера?

Тот склонил голову набок и произнес честно – что думал, то и сказал:

– Не очень.

Под рукой Ермакратьева оказалось войско не ахти какое великое – восемь человек. Плюс пулемет «максим» – он действительно имелся, и в него была заложена лента, – плюс патроны... Патронов у Ермакратьева было немеряно. Нашлась у него и роскошная бричка, покрытая лаком – на такой было даже жаль выезжать, но тем не менее Ермакратьев приказал выкатить ее.

Бричку накрыли ковром, сзади поставили пулемет, на ко-

вер с важным видом уселся Махно, неприступно ствердил рот. Пантюшку Каретникова, наблюдавшего за этими приготовлениями, даже робость взяла: ни дать ни взять – надменный, с крутым норовом барин... Махно тем временем команду подал – привычно расплосовал рукой воздух:

– Поехали!

И они поехали искать штабс-капитана Мазухина...

Собственно, он сам налетел на них – приплыл, как большая рыба, добровольно в сети, – штабс-капитан Мазухин.

Дело было уже к вечеру, в низины, в балки, где трава была не по-осеннему сочной, напознал туман. Сама же степь была голая, словно бы кем-то обобранная, неприятная, ветер заунывно посвистывал в сухотье чернобыльника и лебеды, красное солнце окрасило в округе в страшноватый кровавистый цвет, вышибающий на коже невольную сыпь, по воздуху плавала паутина, поблескивала остро.

Две тачанки поднялись на невысокий взгорбок, макушка у которого была голый, как только что обритая голова – ни одного стебелька, все с корнем выдрал жестокий ветер, следом вынесли несколько всадников и, не останавливаясь, покатали по степи. Только, ветер пел в ушах, да горласто кричали степные птицы, сбивающиеся в стаи.

Неожиданно вдали показалась пролетка – такая же роскошная, как и бричка, в которой сидел Махно. Золотые погоны, пришпиленные к его плечам, поблескивали дорого, были видны издали, даже если не захочешь их не заметить –

ничего из этого не получится.

– Это варта, – прорычал сидевший на сером жеребце Ермократьев, схватился за шашку, с металлическим лязганьем выдернул ее из ножен, но, перехватив грозный взгляд Махно, засунул шашку обратно.

Пролетку сопровождали конные, пятеро или шестеро всадников, за всадниками густым столбом поднималась пыль.

Махновские тачанки сбавили ход, неожиданно стало слышно, что горластые степные птицы, только что оравшие оглашенно, смолкли. Петь продолжал только одинокий жаворонок, повисший высоко в небе.

За пулеметом позади Махно сидел бойкий черноглазый парень из числа ермократьевских бойцов, восторженно смотревший на будущего батьку.

– Не лови открытым ртом мух, – сказал ему Махно, – приготовь лучше пулемет к стрельбе.

Два отряда сближались. Лицо у Махно сделалось жестким, скулы выпятились, глаза угрюмо сжались – он сейчас не был похож на самого себя – так изменился...

Всадники, сопровождавшие пролетку, посдергивали с себя карабины, навели стволы на приближающийся отряд Махно.

– Стой! – прокричал один из всадников – похоже, старший, – офицер в легкой накидке, развевающейся у него на скаку за плечами, будто крылья.

Услышав команду, Ермакратьев протестующе мотнул головой и приподнялся на стременах:

– Это мы вам говорим – стойте!

Погоны на плечах Махно поблескивали в вечернем солнце, стреляли острыми красными брызгами. Сразу было видно – и издали, – едет начальство. Но и в пролетке тоже сидело начальство. То начальство, чей вес окажется тяжелее, и победит – начальство пожиже, поменьше, свернет в сторону и уступит дорогу.

В небе продолжал заливаться одинокий жаворонок.

– Стой! – вновь прокричал офицер в накидке.

Ермакратьев, в свою очередь, проорал то же самое.

В пролетке, на богатом ковре сидел офицер с погонами штабс-капитана и тяжелым, налитым сизью лицом, над белыми зубами поблескивали черные, будто нарисованные гуталином усики.

Штабс-капитан приподнялся в пролетке.

– Кто такие? – прокричал он резким, каким-то скрипучим голосом. – Откуда едете?

– Откуда, откуда... – пробурчал Махно недовольно. – От верблюда.

Разглядев погоны на плечах Махно, штабс-капитан счел нужным извиниться. Извинившись, представился:

– Я – штабс-капитан Мазухин, начальник уездной варты.

Опля! Махно едва не поперхнулся воздухом, услышав, что сказал штабс-капитан. Выходит, на ловца зверь и набе-

жал... Добровольно. Такое только в сказочках случается.

Лицо у Махно сделалось надменным, он вальяжно разлегся на ковре, которым была застелена его тачанка (в тачанки легко можно было переделать все, от простой телеги до старинного тарантаса, больше смахивающего на паровоз, чем на «средство передвижения» по малоросским дорогам – нужно было только сзади приколотить полку, схожую с банной, чтобы ставить на нее пулемет – и тачанка готова), безразлично посмотрел поверх головы всесильного начальника уездной варты. Он играл сейчас роль и играл ее блестяще.

– Ну и что из того, что вы начальник варты, – наконец произнес Махно равнодушным тоном, наморщил лоб. – Мазухин, Мазухин... что-то я не слышал про такого. Сдайте-ка лучше оружие, – потребовал Махно и подал знак на соседнюю бричку – там за пулеметом сидел Алексей Марченко.

Бричка стремительно развернулась, толстый ствол пулемета угрюмо глянул на представителей варты.

– Что... что вы себе позволяете? – взвился Мазухин, лицо его, и без того налитое помидорной краской, сделалось еще более красным. – Как вас там... Не вижу вашего звания.

– Капитан, – с усмешкой произнес Махно.

– Хотите в карцере побывать, господин капитан?

– Не хочу, – сказал Махно и подал второй сигнал на соседнюю бричку.

Марченко приник к пулемету, дал поверх всадников, очень низко – жар пуль заставил людей пригнуть головы, –

длинную очередь.

Махно выпрыгнул из тачанки. Скомандовал:

– Слезай с коней и складывай к ногам оружие, господа хорошие!

Конвой Мазухина незамедлительно подчинился команде.

– Я – начальник уездной варты... – не выдержав, вновь взвизгнул штабс-капитан.

– А я – личный посланник гетмана Скоропадского, – спокойно произнес Махно. – Еду в Екатеринослав с ревизией – в Киеве никак не могут понять, чем вы тут занимаетесь.

Мазухин поперхнулся. Лицо его враз сделалось потным: он не ожидал встретить в чистом поле личного представителя гетмана Скоропадского – человека, который был могущественнее его.

– Извините, господин капитан, – потерянно пробормотал Мазухин, помял пальцами плоские черные усики.

Махно специально разыгрывал этот спектакль – вдруг начальник уездной варты знает нечто такое, чего не знает он, – какие-нибудь секретные планы австрийцев, либо еще что-то, остановил взгляд на обескураженном лице штабс-капитана с дергающейся левой щекой, проговорил ленивым тоном:

– Расскажите в нескольких словах, чем занимается уездная варта?

Штабс-капитан подобрался.

– Уезд у нас рваный, дырка на дырке, сплошная беднота. Все время приходится ловить червей, вылезших из навозной

кучи, и загонять обратно, в навозную же кучу. Недавно целая банда объявилась во главе с неким Ермократьевым... Не слышали про такого?

Вместо ответа Махно неопределенно выпятил нижнюю губу.

– Пришлось усмирить, – продолжил Мазухин. – Часть червей уползла обратно в навозную кучу, часть развешали на деревьях. Жаль, что самого Ермократьева не прихватили – уполз, гад! – плоские черные усики штабс-капитана нервно дернулись. – Но ничего, ничего-о, я найду стервеца и привяжу ему к брюху гранату...

– То есть? – Махно усмехнулся неопределенно.

– Все очень просто. Привязываешь к брюху человека гранату и выдергиваешь чеку. В результате кишки в одну сторону, переломанные ребра в другую, яйца – в третью, и все это купается в большом облаке крови. Зрелище, доложу я вам, впечатляющее.

Махно повел из стороны в сторону головой, расстегнул крючки кителя – ему неожиданно сделалось тяжело дышать, внутри вспыхнул и тут же погас огонь.

– М-да, – пробормотал он, – зрелище, говорите, впечатляющее...

– Для Ермократьева я специально вожу с собою гранату, при первой же встрече и привяжу к кишкам, – штабс-капитан не выдержал, засмеялся.

Ермократьев, сидевший на сером жеребце, навис низко

над пролеткой, в которой находился Мазухин, и, не стерпев того, что слышал от штабс-капитана, прохрипел яростно:

– Ах ты, гнида паркетная!..

– Чего-о-о? – Штабс-капитан поспешно выпрямился, разом увеличиваясь в размерах.

– То, что слышал. – Ермакратьев ухватил его за воротник и выдернул из пролетки. – Считай, что ты меня нашел. Я – Ермакратьев!

По красному лицу штабс-капитана поползли синие пятна – так бывает, когда у человека останавливается сердце. Мазухин засипел, в следующий миг лицо у него сделалось синим, но вскоре щеки и лоб побелели – штабс-капитан преобразился на глазах, будто некая диковинная игрушка.

Наконец-то он понял, в чьи руки попал. В свое время он был рядовым стражником, служил в одном из околотков Екатеринослава, видел разное и знал, как иногда милостивы бывали бандиты. Вывернувшись из тяжелой, со вздувшимися наряженными венами руки Ермакратьева, он хлопнулся на колени в пыль.

– Прости меня, Ермакратьев! – взмолился он. – Не то я говорил, не то делал...

На широких, обваренных степным ветром до густой коричневых скулах Ермакратьева проступил пот.

– Ты погубил моих людей, сука, – проревел он. – И за это ответишь!

– Прости, Ермакратьев! – Из глаз штабс-капитана вы-

скользнули две проворные мутные слезки, скатились вниз. – Я заплачу тебе, хорошо заплачу... Всем заплачу! И вам, – он перевел замутненный взгляд на Махно, – вам заплачу отдельно. Поехали ко мне в имение, я выдам денег столько, сколько нужно.

Ермократьев оскалил зубы и резко взмахнул рукой, словно держал в ней шашку и собирался отрубить голову штабс-капитану. Мазухин, продолжая стоять на коленях, попятился от него.

– Вы-то, надеюсь, понимаете меня? – жалобно заскулил Мазухин, стараясь смотреть в глаза Махно снизу вверх, не выпускать из своего взгляда его глаз, его зрачков. Нестор медленно покачал головой, насупился, верхняя губа у него наехала на нижнюю.

– Я отдам все, что у меня есть... Это – большое богатство. Поехали ко мне в имение!

Махно не удержался, хмыкнул: а в имении у этого деятеля наверняка стоит какой-нибудь взвод, охраняет этого плачущего слизняка с пулеметами, да с оружием в главных воротах. Нестор вновь хмыкнул, затем медленно, словно бы возвращаясь к роли, которую играл, покачал головой.

– Все, хватит! – В голосе Ермократьева послышались рычащие нотки. – Пора кончать этот балаган.

Мазухин, скуля, затоптался на коленях, покрутил головой и пропищал тоненько, будто обиженная птица:

– У меня же дети-и...

– А у тех мужиков, которых ты, как груши, развесил по деревьям, разве не было детей? – поинтересовался Махно, становясь неприступным, как крепость. В глазах у него блеснули жесткие далекие огоньки.

Спрыгнув с лошади, Ермакратьев вновь рванул Мазухина за воротник кителя, в дорожную пыль золотистыми червонцами шлепнулись несколько форменных пуговиц. Прорычал, делаясь беспощадным, страшным, – из перекошенного рта Ермакратьева вытекла струйка слюны, лицо его так полно и плотно налилось кровью, что ткни в него кончиком пальца – обязательно лопнет:

– Стаскивай с себя штаны, сука!

– Зачем? – Мазухин захлебнулся слезами.

– Хотел мне к голому пузу привязать гранату? Хотел? Так вот, сейчас я эту штуку с тобою проделаю...

Штабс-капитан затоптался на коленях, вздернул кверху мокрое лицо, поймал глазами солнце, красный вечерний свет натек ему в зрачки, сделал взгляд Мазухина безумным. Губы у него дергались. Ермакратьев ухватил своей огромной клешней полу мазухинского кителя и с силой рванул ее вниз. На землю полетели оставшиеся пуговицы.

– Не надо-о... – проскулил штабс-капитан.

– Надо, еще как надо! – прорычал в ответ Ермакратьев. – Чтобы ты знал, что такое боль, а заодно увидел, что кровь у тебя, как у других людей, – красная. И сам ты – мясной, костяной, уязвимый.

Двумя пальцами Ермакратьев подцепил аккуратную пряжечку брючного ремня, под который была засунута нижняя рубаша, сшитая из нежного тонкого полотна, разорвал его и вытащил из матерчатых петелек роскошных шевиотовых галифе штабс-капитана, затем дернул край штанов. На землю шлепнулся выдранный с корнем железный крючок, следом – несколько черных металлических пуговиц.

Брюки сами собою сползли с Мазухина, обнажая волосатый живот с большим лобком и каким-то кукольным, сжавшимся в сморщенный резиновый комок мужским достоинством. Штабс-капитан, похоже, не почувствовал, что с него сползли брюки.

– Раз ты придумал эту потеху, то мы на тебе ее и испробуем, – прежним рычащим голосом пробормотал Ермакратьев.

Он прицепил гранату к брючному ремню, обернул пояском рубчатое туловище, сделав это так, чтобы граната не выскочила из петли – хорошо, что ремень у штабс-капитана оказался длинным, потом сделал еще одну петельку, затянул ее на рукояти. Примерился к животу Мазухина и вдруг, громыхнув утробно, словно бы внутри у него, в животе, в груди, бултыхнулась целая куча свинцовых гаек, ткнул носком сапога прямо в лобок штабс-капитана, потом ударил еще раз, ниже лобка, целя в сморщенный резиновый комок. Мазухин вскрикнул от боли, согнулся, мотая головой...

– Не нравится нам это, очень не нравится... Не любим мы,

когда нас бьют, – вновь загромыхал свинец в груди, в животе, в горле Ермократьева. – Зато очень любим, когда бьем мы... Тьфу!

Он поддел под живот согнувшегося штабс-капитана ремешок с бомбой, затянул на спине пряжку и ткнул Мазухина сапогом под голый зад.

– А ну, вперед! Быстрее, быстрее, быстрее!

Штабс-капитан на согнутых, сделавшихся мягкими, безвольными ногах поковылял прочь.

– Э-э-э-э... – слышался его захлебывающийся от боли и унижения голос.

– Быстрее, кому сказал! – выкрикнул Ермократьев, ловким отработанным движением выдернул из кармана пиджака браунинг, пальнул Мазухину под ноги. Тот дернулся, совершил небольшой кузнечиковый прыжок вперед.

– Еще быстрее! – Ермократьев вновь пальнул штабс-капитану под ноги, под самые пятки – из-под каблуков у того проворным рыжим облачком вымахнула легкая, как дым, пыль. – Ну!

Штабс-капитан сделал еще один прыжок, вскрикнул, невольно заваливаясь набок, и в ту же секунду окутался красным, плотным, как портьерная ткань, пламенем, над ним вспухло пороховое облако, и громыхнул взрыв.

Вверх взметнулась оторванная рука со скрюченными пальцами, следом последовала голая, вырванная из штанины нога, взлетела пола кителя, обрызганная кровью. На месте

живого человека – еще несколько секунд назад этот человек существовал, жил, дышал, о чем-то мыслил, боялся смерти, скулил, – образовалась груда дымного дергающегося мяса.

К ногам людей, окруживших пролетку штабс-капитана, шлепнулась вторая рука, отрубленная по локоть, с шевелящимися пальцами. Ермакратьев оттолкнул руку от себя ногой, перевел взгляд на второго офицера, сидевшего в бричке. Это был секретарь уездной варты, человек молодой, с бледным узким лицом и такими же аккуратными, будто бы нарисованными, как и у его шефа усиками.

– А ты чего штаны не расстегиваешь? – рявкнул на него Ермакратьев. – Ждешь особого приглашения?

Секретарь варты вжался задом в ворсистый пухлый ковер, постеленный в пролетке.

– Прошу вас, не делайте этого, – прошептал он моляще, бледное лицо его сделалось прозрачным, – не надо... Ну, пожалуйста! Я ведь всего секретарь варты, писарь.

– Писарь? – громыхнул Ермакратьев, ткнул огромным кулаком в него.

– Да, писарь! Я только готовил протоколы – то, что было мне поручено по долгу службы... Больше ничего.

– Смертные приговоры нам строчил, тля! – от рычания взбешенного Ермакратьева даже всколыхнулось небо, облака поплыли невесомыми гусями в разные стороны.

Еще несколько минут назад было слышно пение одинокого осеннего жаворонка, ласкавшее слух, а сейчас и жаво-

ронок затих – умолк, испуганный, после взрыва гранаты... Только красный недобрый свет лился над степью, заползал в низины, сгущался там – картина была марсианская, страшная, по коже невольно ползли мурашки – казалось, что низины эти, все придорожные канавы, рывины, ложбины, выковырины, оставленные копытами лошадей, заполнены кровью... Махно невольно передернулся, хотя страха не испытывал. В нем такое чувство, как страх, вообще отсутствовало.

Ермократьев выхватил из рук Пантюшки Каретникова винтовку с примкнутым к ней плоским австрийским штыком, давно не чищенным, с густым налетом ржави, – штык от рыжего едкого крапа сделался пятнистым, – наставил на секретаря варты.

– Снимай штаны, сволочь!

Тот не выдержал, заплакал, губы у него скривились горько, блестящие влажные глаза неожиданно сделались тусклыми, как у мертвеца.

– Не делайте этого, прошу, – прошептал он моляще, – не убивайте меня.

– Тля! Гнида навозная! – выругался Ермократьев, протянул к молодому человеку клешнястую стальную руку с растопыренными пальцами, рот у него криво съехал в сторону, обвис тяжелой дыркой, из которой, выхлестывали свинцовое сопение, громкая внутренняя беркотня, скрип – Ермократьев лихо скрипел зубами. Секретарь варты отшатнулся

от него и начал дрожащими пальцами расстегивать пояс на брюках.

Ермократьев вновь протянул к нему руку, рванул пояс, выдирая его из брюк вместе со шлевками. Пояс у секретаря варты был не то, что у шефа, не такой нарядный и богатый, Ермократьев подержал его в руках и швырнул на землю.

– Пошел в степь! – скомандовал он.

Секретарь варты заскулил.

– Пошел в степь, кому сказали! – разъярился Ермократьев.

Молодой человек заскулил громче:

– Ы-ы-ы!.. Не надо! Не делайте этого... – спиной попятился он от Ермократьева.

Тот уперся концом штыка молодому человеку в живот, надавил чуть.

– Кому сказал, пошел в степь! Мордой к горизонту, – Ермократьев выбросил перед собой руку, – и вперед!

Секретарь варты попятился спиной в степь, на то, чтобы повернуться, у него просто не было сил, кожа на бледном лице молодого человека сделалась прозрачной, стали видны все мелкие кровеносные жилочки, изо рта вырывалось запаренное дыхание, губы тряслись.

– Трясешься, как осиновый лист, – продолжал яриться Ермократьев, – а когда моих ребят вешал, не трялся... Доволен был.

– Да не вешал я!

– Вешал!

Расправа принимала бессмысленный оборот, в ней присутствовало палаческое начало, и это было противно Махно – подобных вещей Нестор насмотрелся вдоволь, когда его самого приговорили к смертной казни, потом не раз сталкивался с издевательствами в Бутырке, – он видел то, чего не видели другие...

– Довольно! – произнес он тихо, вытащил из кармана пистолет и, не целясь, навскидку, выстрелил в секретаря варты. Тот охнул и спиной полетел на землю, в почерневшую лужицу крови, оставшуюся после расправы над его шефом.

В глухой страшной тиши не раздавалось теперь ни одного звука, даже ветер и тот перестал тянуть свою бесшабашную мелодию, лишь солнце заливало недобрым светом землю... Будто кровью.

– Ты чего, Нестор Иванович? – повернул к Махно яростное лицо Ермакратьев. – Зачем спектакль испортил?

– Довольно издеваться, Паша. – Махно мрачно повысил голос: – Не мужское это дело! Не надо унижать человека перед смертью.

Ермакратьев недовольно крякнул, дернул головой, словно бы его пробил электрический ток и замолчал.

Вновь установилась страшная глухая тишина.

– Этих – отвести подальше от дороги, связать и оставить там – пусть отдыхают, – ткнув пальцем в пленных, велел Махно. Ему не хотелось проливать лишнюю кровь. С пала-

чом они разделались, а остальных можно пощадить.

– Ка-ак? – вновь повернул к нему яростное лицо Ермократьев. – Они же – убийцы!

– Так надо, Паша, – сказал Ермократьеву Махно. – Не то о нас такая же слава поползет. Как о Мазухине... – Он покосился на погон, висящий у него на левом плече, потом на тот, что украшал его правое плечо. Хорошо, конечно, лежали погоны, но блестящее золото это надо было снимать...

– Нет! – протестуя мотнул головой Ермократьев.

– Мой приказ – это закон. А законы в наших рядах не обсуждаются.

Пленные заволновались. В небе вновь нежно, тонко, вдохновенно зазвенел жаворонок, переместился по пространству, голос его сделался громче, он нес успокоение, тепло, еще что-то, милое душе, не совместимое с войной и смертью.

– Нет! – вновь протестуя мотнул головой Ермократьев, длинные, давно не стриженные лохмы свалились ему на лоб, закрыли жесткие, горящие испепеляющим светом глаза.

– Послушай, Ермократьев, – голос у Махно дрогнул, он начал терять терпение, – я ведь все объяснил, как надо, человеческим языком... Почему ты не хочешь меня понять?

– Я все понимаю, Нестор Иванович, – сдал назад Ермократьев.

– Ни хрена ты не понимаешь... Иначе не вел бы себя, словно... – Махно не договорил, махнул рукой – не хотел обижать Ермократьева, слишком уж обидное слово возник-

ло у него на языке и чуть не выскочило.

Узел этот разрубили сами пленные, они заволновались, задергались, замельтешили, потом вдруг по гортанной команде одного из них – кавказца с длинным, похожим на отпиленный сук носом, – кинулись врассыпную... Кто куда.

Ермократьев первым вскинул винтовку и пропорол пулей спину здорового гайдамака в тесном мундирчике, разрывающемся на заду.

Гайдамак закричал дурным голосом, подбросил руки кверху, будто плети, пуля поддела его, и гайдамак, полетел, параллельно земле к горизонту, сшибая головками тяжелых сапог сухие, окостеневшие до звона былки. Горючего у него хватило на немного, гайдамак пузом врезался в землю – только стон по степи пошел.

Лихо стрелял Ермократьев – гайдамак как лег, так и остался лежать, даже не колыхнулся. Ткань на тесном его мундире гнило расползлась, обнажила белую нижнюю сорочку. Сорочка быстро пропитывалась кровью...

Следом за Ермократьевым выстрелил один из его парней – волосатый, молчаливый, с широкой нижней челюстью и немигающим взглядом – подбил горластого кавказца.

Потом еще один подчиненный штабс-капитана Мазухина закувыркался по земле, давя старую траву и мелкие сухие кучки, нарытые здешними пакостливым муравьями, очень вредными – вонючими, способными взбесить лошадь. Если такой муравей залезет лошади в ноздри, то ничто уже не

способно будет удержатъ конягу. Даже самый смиренный мерин, давно уже свыкшийся с тем, что в час он более двадцати шагов не способен делать, превращается в разъяренного мустанга, готового носиться по степи со скоростью артиллерийского снаряда и, подобно носорогу, все сметать с пути.

Федор Щусь, который все это время молчал – ни одного слова не произнес, будто онемел, взирал на «действие» с плотно сомкнутыми губами, неожиданно оживился. Ухватился рукою за деревянную кобуру маузера.

Вытащив маузер, он уложил ствол на локоть левой руки и, поспешно прицелившись, пальнул. Стрелять Щусь умел неплохо – еще один «державный вартовец», задрав на бегу голову, хапнул открытым ртом воздуха и, словно бы споткнувшись, сложился в поясе, превращаясь в некую геометрическую фигуру, ткнулся головой в землю.

С одной ноги у него слетел ботинок, взметнулся высоко вверх. Щусь довольно засмеялся, дунул в ствол маузера, сбивая в сторону вонючий кучерявый дымок.

Через полминуты все было кончено. И секретарь уездной варты, и охрана Мазухина, и даже кучер – разбойного вида красномордый мужик, который к казням явно не имел никакого отношения, – лежали бездыханными на земле.

Всех почистили под одну гребенку.

Небольшой отряд Ермократьева примкнул к укрупненному, – вместе с людьми Щуся, – отряду Махно.

Так создавалась Повстанческая армия.

Впрочем, ермократьевский отряд пробыл под крылом Махно недолго – Ермократьев не любил и не умел подчиняться, заявил батьке, что больше всего на свете он ценит самостоятельность, и распрощался с ним.

Но это произошло позже...

Когда отряд Махно вернулся в Большую Михайловку, село напоминало муравейник. Оказывается, в отсутствие отряда в селе побывали посланцы австрийских военных властей, и старосте – седому, как лунь, старику вручили бумажку, из которой следовало, что «крестьяне Больше-Михайловки обязаны выдать для содержания экспедиционного батальона 160 арб сена и соломы, 15 возов картошки, 70 хлебов, 65 пудов сала, 35 кур, 5 кабанов, 6 фунтов чая, пуд табака, 3 пуда кислой капусты, 100 пудов пшена, 550 пудов пшеницы, 800 пудов ячменя».

Федор Щусь выхватил из рук старосты австрийскую «указивку» и примчался с ней к Махно. Зачитал, кривя полные губы. Красивое скульптурное лицо его сделалось красным.

– Что скажешь на это, Нестор Иванович?

Махно ухмыльнулся.

– Нет худа без добра. Знаешь, как после такого оброка к нам потянутся крестьяне?

– Но крестьянин-то, наш поилец и кормилец, будет ободран по самый пупок. Как липка. Ему же есть нечего будет!

– Чем туже будут закручены гайки, тем быстрее австрияки уберутся с нашей земли. Говорю же – нет худа без добра. –

Махно тряхнул головой, волосы ссыпались у него на плечи. – Я считаю, по этому поводу в Большой Михайловке надо провести митинг.

– Какой митинг? – не понял Щусь.

– Наш митинг. Анархо-коммунистический. – Махно, зажигаясь, взметнул над головой кулак.

Щусь глянул на него диковато, непонимающе, потом, пробормотав «митинг так митинг», вывалился на улицу – организовывать людей.

Выступил Махно на митинге зажигательно. Голос у него был хрипловатый, с пронзительными нотками, хватаящий за душу, – он говорил, а толпа, колышущаяся, живая, настроенно поглядывающая на него, молчала. Впереди стояли женщины с влажными глазами.

– На Украину пришла беда! Землю нашу, с позволения наших же властей, топчут оккупанты. Они объедают нас, обирают нас, богатый украинский хлеб сотнями эшелонов везут к себе на запад, обрекая нас на голод. На Дону собирается новая беда – туда сбежались царские генералы, титулованное офицерье, они сбиваются в стаи, вернее, уже сбились, мутят казаков и скоро отправятся в свой поход, в том числе и на Украину! Далее. Немцы немцами, они уже тут, но наша гетманщина во главе со Скоропадским старается задобрить страны Антанты и пригласить на Украину еще и их войска. Нам угрожают поляки, угрожает прочая нечисть, охочая до доброго украинского хлеба... Не слишком ли много врагов

на нашу землю? А, громадяне?

– Не тяни kota за мошонку, Нестору Ивановичу! – выкрикнул кто-то зычно из толпы. – Говори, чего делать, и мы будем это делать.

– Чего делать? – Махно хмыкнул, демонстративно потряс головой, изображая некое недоумение: как же громадяне не могут догадаться, что надо делать, потом хлопыстнул себя по сапогу плетью. – Объединяться надо и гнать врагов в три шеи с нашей земли! Вот что надо делать, понятно?

Толпа загудела: призыв Махно мужики Большой Михайловки услышали и, соответственно, решили его поддержать.

– Правильно! – раздалось сразу несколько голосов. – Верное дело!

Махно глядел на лица людей и ощущал внутри благодарное тепло, признательность за то, что эти люди согласились разделить с ним судьбу. В сторонке от митинга толковый парень Алексей Марченко уже поставил столик – специально приволок его из церковно-приходской школы, рядом приткнул две табуретки и положил перед собой лист бумаги с химическим карандашом – приготовился записывать разгоряченных, гневных людей в армию Махно. «Молодец Алексей – проворный, толковый. Надо подыскать ему должностенку при штабе. Может быть, даже и помощником начальника штаба сделать...»

Махно провел рукоятью плетки по несуществующим усам – Марченко нравился ему все больше и больше.

В тот день отряд Махно здорово пополнился – в него вступила большая часть мужиков, присутствовавших на сходе-митинге.

Разошлись с митинга уже поздно, в сумерках. В тот вечер в Большой Михайловке было много выпито домашнего вина, любители баловались крепчайшим самогоном бабки Тютюнихи – напиток она варила такой ядреный, что капля этого зелья, попавшая на яловки сапог, прожигала толстую кожу насквозь. А мужицким желудкам хоть бы хны – желудки принимали пошло, как обычную простоквашу, на простецких лицах не истаивали довольные улыбки – бабкина самогонка была очень даже хороша.

До полуночи в Большой Михайловке лаяли собаки, да гудели мужицкие голоса:

– Рэве та сто-огнит Дни-ипр широкий...

Ночь выдалась темная, бесноватая, с бесшумными полетами хищных птиц и ведьм, которые проворно вымахивали из труб большемихайловских домов и на метлах уносились в черное пространство, недобрая это была ночь.

Проснулся Махно от близкой стрельбы – несколько раз ударили из винтовок, потом громыхнул залп, следом раздалась длинная, очень гулкая пулеметная очередь-строчка, словно бы неведомый портной стачал воедино две стороны длинной толстой ткани. Под пулеметную строчку из Махно и выплеснулся последний сон – снилось ему, будто он сидит за «зингером» и крутит ручку машинки, прилаживая себе на

штаны заплату.

– Батька, просыпайся! Беда! – его тряс за ногу Марченко.

Махно вскинулся на постели, невольно провел по черепу рукой – показалось, голова вот-вот лопнет от боли.

– Что случилось?

– Австрияки!

– Тьфу!

Неподалеку ночь разорвал плоский яркий взрыв – упал снаряд, граната не могла так взорваться.

– Наступают из-за реки, из-за Волчьей, – доложил Марченко.

Махно поспешно слез с кровати, на улице, в темноте, ухватил кого-то за руку:

– Стой!

В ответ задержанный ярко блеснул белыми зубами, будто фонарем. Оказалось – Федор Щусь. Он пытался организовать повстанцев.

– Добро, – сказал Махно и отпустил.

Следующий, кто попался ему по дороге, был Семен Каретников.

– Стой! – приказал ему Махно, и тот, тяжело дыша остановился. От Нестора исходила некая тяжелая сила, она покоряла, подавляла людей, рядом с ним, спокойным, жестким, насмешливым, и люди становились спокойными. – Значит, так, Семен, – сказал Каретникову Махно, – прыгай на коня и скачи на окраину села, где находится наш дозор, узнай у

ребят поточнее, в чем дело?

– Й-йесть! – отплюнувшись, прохрипел Каретников и исчез в темноте.

Главное сейчас было спасти тачанки с пулеметами. Важно, чтобы их в суматохе не помяли, не раздергали по жердочкам, по планочкам, не поломали рессоры и колеса. Махно, как никто другой, очень быстро понял преимущество тачанок перед иными видами оружия – на тачанках можно было атаковать даже бронепоезд.

Крикнув Алексею Марченко: «За мной!» – батька кинулся на площадь, к дому сельского батюшки, где стояли тачанки.

Стрельба, усилившаяся было, внезапно стихла. Небо посветлело. Откуда-то из-за туч, беспросветно темных, выползло бледное пятнышко месяца, слабо осветило землю. Сделалось легче дышать. По дороге, пока бежали к тачанкам, Махно пару раз едва не полетел кубарем на землю – спотыкался о какие-то вольно разбросанные деревяшки – то ли колоды, то ли остовы от телег, то ли еще что-то... Вымастерился.

Кони находились неподалеку от тачанок – хрумкали овсом, который им подсыпал в торбы коренастый сичевик с сизым носом и висячими запорожскими усами.

– Ну, слава богу, явились, – проговорил он с облегчением. – Не то я совсем не знал, что делать – то ли коней запрягать, то ли наоборот – кормить их дальше, то ли наступать,

то ли отступить, то ли маневр совершать... Непонятно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.